



С М И Е Ш А

5
1945

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРАВДА

ЗАВЕТ СЕРГЕЯ ЛАЗО

Сергей Лазо долгие годы жил дирижером. В нем он оставил много интересного — талант, распахнутое сердце. Приходя от работы на сон дирижера:

«Если ты не хочешь, чтобы тебе была судима судьба городского дирижера, который чувствует себя немного вне своей квартиры и привычного места службы; если ты не хочешь вернуться в утружденное животное, головное истощение сныма выматывает и изустит в слезы с сожалением, лишь только ему удастся отоспаться в шашине; если ты хочешь быть господином и самим собой и своим поступкам — ираужай себя к труду и закаляй себя дисциплиной — учись тогда не странить стронаж живая, заполезная фламандским трудом. Ты должен не только изучать, и совершенстве свое специальность, но также ивуть какой-либо ремесло с радостноином развитием вполе или по своим. В сильном и здоровом теле человек всегда чувствует себя спокойнее и лучше, и него поощряется, уверенность в себе... Чтобы веть хорошие мускулы, их нужно упражнять и не только гимнастической и спортом, но ивотелом трудом. Вообще и думаю, что для студента-техника нужно немалое изучать хорошо как слесарного, так и механика, и веть упрать машины. Ниого не может сделать человек, а вика усложна, ему придется бегать, и нужно быть готовым, чтобы во время всяких перепад не заступился впередом. Также же нужно учиться вилать, главное, хорошо и много учиться. Например, чтобы быть подготом сделать туза и работать 300 вьет. Привычка к работе и дисциплина человек среди трудных...»

В начале тридцатую ночь на 8 апреля 1920 года в вагон в знаменитом интересном гостиницы Шинкельна советской столицы Восток, попал легендарный русский дирижер Сергей Лазо. Любимый руководитель коллективов парижских массовых хором, азырижерам тех годов убаивными хоруги сего, приехал в топе.

Прирожденный Сергей Лазо, разобравшись в артистах. Ладившийся полководцем, он прежде перешел в пахаче и отвесил, незарушим математиком, но паролонил сальваго эстетичности и очень являл механику. Скрапный и отвлеченный, Лазо внимательно прислушивался к каждому слову, особенно же изучал.

ПЕВЕЦ ПОЛЬСКОЙ МУЗЫКИ

Блестящий дирижер сервичи-вирубо Гевилл Вениавский после долгой концертной скитаний снова вернулся в Россию, становясь для музыкантов родной. Но величавою творческой жаждой, горад — тяжело больной, он умер.

Многолетняя корреспонденция Петра Пачаха Чайковского II. Меза писал из Москвы в Рим конюпитору-бланше, великий друг, что дирижер Вениавский лежит жале в Мариинской больнице... Это блесна, (беловая) истерика и припадочная вале...

Однажды в Петербургской оклице Парнаса и в операторном. Повесть триумфальной выстулений в городе Захарова Европа и Россия — действительная творческая деятельность в Петербургской консерватории. Внесет в Россию Рубинштейном он концерты Вагнера, концертные туры по США. Обширная артистичность и творческая деятельность соединяется с необычайной виртуозностью. Блаженства маэстро Вениавского «куряна» звучит с ветрыми величавыми звуками польского народа.

Потом недолгое преподавание в Брюсселе и снова концертная поездка. Но являясь явную смена прекратил исполнительные выступления и являл к началу года.

Гевилл Вениавский являл, что русский дирижер не оставил его в Москве, тридцатью отяжелел к болезни. II. Меза писал сервичи, в свой дом и окружил заботливой любовью. II. Чайковский в гостинице Меза писал Вениавскому, что дирижерские строки: «Чужая жаль его. Мы отнесем к ним, конюпитору, к своей роде сервичи и очень дорожить конюпитора. II. Меза Вениавского очень богато одаривали...»

Восхитительный польский музыкант умер на руках русских дирижер. Того жеца польской музыки было перенесено в Парижу и там торжественно похоронено.

ДЕНИС ФОНВИЗИН

Десять лет прошло со дня рождения основоположника русской музыкальной драмы Дениса Ивановича Фонвизина.

Антон «Недоросль» и «Бригадир» был одним из самых очаровательных русских анде своего века. Драматург и дипломат, публицист, журналист, критик и один из первых мастеров русского общества, который горячо любил свой народ, усе в ту пору еще не стала в свободу, и преклонение к иностранцам, и великою будущим своей родине, ивотелом великим выражений и творческой фантазия, которого Пушкин назвал «лицом свободомыслия».

Привет Фонвизина, тогда жившим, подлинным умом. Он смело объявил гит крепостничества, неясности бюрократии и встала вставал против своего подражания иностранцам.

Д. Фонвизин.

Многие годы в жизни Дениса Фонвизина, тогда же отступили из дом своих Вральмана и других недостойных воспитателей. Имена людей, которых он судил, живали дом в одном беге; у бегит был только один костюм.

Первые иллюстрации по полному Антону появились в «Литературной газете». Закон он начал рисовать в 1825 году в журнале «Медведь». Но настоящего мастера он достиг только в рисунках «Мертвым душам». По этим рисункам мы можем до сих пор изучать быт и нравы крестьянских времён крепостничества.

ОБРАЗ ПОЭТА

История сочинила нам образ Жана Лафонтена как бесечного поэта-вещельника, сына великой Франции, любимого принцем и повелем и беззаботно приносит время. Он часто говорил о себе, что живит по своему вкусу и не забочит ни о приходе, ни о будущем. Лафонтен не стал повторять слова Лафонтена: «Шутка жале и любовь, занимай для моей жизни». Сан Лафонтен успешно выполнял результаты классицистического вестельника, которому без труда даются бесчисленные ода и мотетеллы, сонета и вальсы, посвященные имени принца дворянского бытия Людовика XIV.

Но внимательное изучение биографии Лафонтена говорит, что в действительности он много и истинно работал, тщательно оттачивал поэтическое зерно, пробуя свое дарование на многих литературных жанрах. Для легкого и быстрого выполнения поэта сервичи била только его поэзия, «ки явную поэзию, хотя что он выполнял на ода — стало не только поэзия».

Истинное признание принесло творчество Лафонтена, ивотелом великим в стихах Лафонтена. Под влиянием величавых, французских поэтов, Лафонтен начал явную зарисовку истинного искусства, до того же ивотелом выискала пороки современного общества и встала призывом к равенству, любви к человечеству, трудолюбию и величавый смысл простого народа. Он сумел остаться независимым величавым и отвлечь от неправды придворных обязанностей, изменив иронией жале те вавельские, которых остался своим творчеством. Словознатель стилистический величавый выиср в творения бесгротных поэтов.

Со дня смерти Жана Лафонтена — 14 апреля 1695 года — прошло 290 лет. В память русского читателя он навсегда остался величавым баснописцем, чьи образы до сих пор являл в бесчисленных произведениях Сухомлина и Хемингера, Дювтирева и Крылова.

Я. Ковч

СТО РИСУНКОВ К «МЕРТВЫМ ДУШАМ»

Это рисунки к той давней книге, когда молодой воспитанник Академии художеств А. А. Гаврилов сам закончил «Сто рисунков к поэме Гомера «Мирные душни». Он доставлял талантливому рисовальнику славу многопроходившего иллюстратора бесстрашного творения.

Немалый труд сто рисунков этих рисунков. Почтовый сын общины каменорожденного полка Елагина и яростной служивкой, художник изучал от отца только искусство и искусство живописи.

«Отец отвел у меня сто рисунков, зачем оставить его тому, кто не ст по имени отцов» — часто шутил Гаврилов.

Александр Александрович Антон действительно отец бедствия. Художник он не был, но «художник» выдвигал и поощрял своих братьев. А в его время брат Гаврилов отяжелал дом в одном беге; у бегит был только один костюм.

Первые иллюстрации по полному Антону появились в «Литературной газете». Закон он начал рисовать в 1825 году в журнале «Медведь». Но настоящего мастера он достиг только в рисунках «Мертвым душам». По этим рисункам мы можем до сих пор изучать быт и нравы крестьянских времён крепостничества.

Для рисунка А. Антона «Мертвым душам».

Выпущен в свет рисунок Антона известной гравер Бернгардт. Он издала их без тетушки выискуса по четверть иллюстрация. Изначне приоткрывалось, после выхода 72 иллюстрация. Истальные рисунки были начертаны автором в 1892 году, уже после смерти автора, отяжелым альбомом вод жалалась «Сто рисунков к поэме Гомера «Мирные душни». Альбом этот выискуса стальные деньги издал.

С М Е Ш А

Март ★ № 5 ★ 1945 год

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ



С М Е Ш А
В номере:

А. ФАДЕЕВ — Сергей Тюленин.

★

Семён КУЗНЕЦОВ — Пересадка в воздухе.
Над Прагой.

★

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ — За спиной граница.
Пункт сбора русских. В прорыве.

★

В. КЛИМАШИН — Румынские записки.

★

А. СТЕПАНОВ — История моего прадеда, го-
родничего Кенигсберга.

★

Заметки о книгах. М. ШКАПСКАЯ — «Перед
бурей».

★

Читаю о биллом... Е. КАНН — «Звуки».

★

И. РАХТАНОВ — Две дистанции.

★

Инж. А. МОРОЗОВ — Лучи-разведчики.

★

Шахматы. Под редакцией гроссмейстера
В. Смыслова.

★

Личной подписью удостоверяется...

★

Календарь «Смешны». Вокруг света. Чейнворд-
кроссворд.

★

Рисунки художников Г. Валька, А. Житомир-
ского, В. Климашина, Б. Пророкова.

★

На вкладки: «ВЕСНА» — фотознд Л. БОРДУ-
КОВА.

На обложке: «БЕРЛИН. У БРАНДЕНБУРГСКИХ
ВОРОТ» — рисунок художника В. КЛИМА-
ШИНА.



Прославленный черноморский лётчик Герой Советского Союза гвардии подполковник
Михаил Аfdев.

Фото Е. Халдея.

Ночью закон Ворошиловград 17 июля в 12 часа дня, после ожесточённого боя на опитном сельскохозяйственном поле, где одной из армий Южного фронта был выставлен заслон, на две трети истреблённый в этом бою преславный солдат противника. Остатки трижды отступала с боями по линии железной дороги почти до станции Верхнедуваново, пока последний солдат не лёг в дощечку земли.

К тому времени все, кто мог и хотел уйти из Краснодона и ближайших районов, ушли или выехали на восток. Но в дьявольском Белодонском районе, по независящим обстоятельствам, отсутствию транспорта, застряла большая группа учащихся восьмого и девятого классов краснодонской школы имени Горького, находившихся в районе на полевых работах.

Вызвать эту группу учащихся отдал народного образования поручил учительнице этой же школы, преподавательнице русской литературы, Марии Андреевне Бору, уроженке Добрянска, хорошо знавшей местные условия, хорошие энергичной и давно заинтересованной в успехе дела: среди учащихся находились её дочь Вала.

Для того чтобы вывести эту группу учащихся, нужна была всего одна грузовика, и Марии Андреевне получила разрешение, когда уже никакого транспорта нельзя было достать. Она добиралась до совхоза со всеми окладами и портфель на это более суток. Женщина несла чудившую моральной крепости, измученная тяжёлой дорогой и душевной болью за судьбу дочерью-комсомолки и всех учащихся, она разрыдалась от душевного её волнения и чувства благодарности, когда директор совхоза, с невероятным напряжением своего транспорта эвакуировавший имущество совхоза, охрипевший от ругани, не слышавший и не бравший у неё ничего суток, беспрестанно отдал Марии Андреевне последнюю грузовик.

Несмотря на то что тяжесть положения на фронте была хорошо известна в Белодонском районе, до самого приезда Марии Андреевны учащихся, со свойственной юности беспечностью и доверием к тому, что впрямую во время распридались им, находившихся в том вооружённо-вещном издательстве, чтобы всё-таки создаётся, когда соберётся много молодых людей в условиях вольной чудесной природы с естественным завязывающимися между молодыми людьми дружескими романтическими отношениями.

Мария Андреевна не стала раньше времени распространять ребята и скрывать от них действительное положение дела. Но по её верной ошибочности и спешке, с какой их собирали к месту работы, ребята поняли, что случился то что серьёзное и непоправимое. Настроение сразу упало, у всех повисли мысли о доме и что с ними будет дальше.

Вала Бору, рано сформировавшаяся девушка, с покрытыми золотистым пушком сильно золотыми руками и ногами, в которых чувствовалась ещё нечто детское, с глазами тёмно-серыми в тёмных ресницах, незанесёнными и холодноватыми по выражению, со светловатыми, золотистыми косами и позолотой яркими губами самолюбивой складки, вела учащихся к месту работы в совхозе с учеником из школы Стёпой Сафоном — мальчиком, белоглазым, курносый, засунутым мальчиком, с живыми, что называется, складками лица.

Вала была в девятом классе, а Стёпа — в восьмом. И это могло бы послужить препятствием к их дружбе, если бы Вала дружила с девушками, а Вала не дружила с парнями, если бы среди мальчиков был кто-нибудь, кто и ей нравился, но ей никто не нравился. Она была лачинатой девушкой, хорошо играла на пианино, до своего развития она выделялась среди одноклассников и сама завела это привычка к постоянному сверхнормативной. Стёпа Сафонов полонил её не потому, что она нравилась ему, а потому, что он её забавлял: он был действительно смелее и смелее парней, что скрывать у него было под мальчишеским озорством, ариетный товарищ и странный болтуш. И именно потому, что сама Вала была не болтушкой, никому не поверила своему своему дневнику, мечтала о подкачке — она, как и все, хотела бы лёгкости и в мыслях своих представляла своего героя тоже как молодого подкачки — Стёпу Сафонова, — из своей болтовни и выслушивания нелепых высказываний.



Главы из романа «Молодая гвардия» Рис. А. Житомирского

Впервые Вала отталкилась с ним на серьёзном разговоре и в упор спросила его, что он будет делать, если в Краснодоне окажется немцы.

Она смотрела на него своими тёмносерыми, холодно не допускающими в себя глазами, очень серьёзно, испуганно, и Стёпа, бодрый мальчишка, увеличившийся золотистой и ботаничной и всегда дружащий о том, что он будет заниматься учёной, и никогда не думавший о том, что он будет делать, если увидит немцев, так же не задумываясь, сказал, что он будет вести с немцами непримиримую подпольную борьбу.

— Это не болтовня? Это правда? — холодно спрашивала Вала.

— Ну, почему же болтовня? Ну, конечно же, правда! — не задумываясь, отвечал Стёпа.

— Поклянись... Комендант же, капитан... А что же нам лично делать? Ведь мы же комсомольцы? — удивлённо приподнял брови, спрашивал белоглазый Стёпа, задумавшись, наконец, над тем, о чём его спрашивали. — А ты? — любопытством спросил он.

Она приблизилась губам к самому его уху и зловещим шепотом сказала:

— Клянусь с-сь... Потом приближались губами к самому его уху, незаметно фыркая, как лопавка, так, что у

него чуть не лопнула барабанная перепонка, сказала:

— Всё-таки, дурак ты, Стёпа! Дурак и ты же! — и убежала.

Они ахнули на ночь. Ребята пытались снасть от пригрозивших фюрерам передышки, но не могли поспеть. Ожесточённое боёвое в азадках раскинулось над ними, и такой свежестежью невидю из степи: пахло смертью, ссорившимися альбином, мёдом, полынью, трупой и тёмной влагой, и было, и трудно было поверить, что, может быть, их дома ждало немцы.

Грузовик был полон ребят. Был это и другой воевал, они лежали всю ночь, аура была в степь, смывалась, коловалась бы где-нибудь такюм к закату. Теперь все ехали сшибившимися, молящими, нередко обменивались посторонними репликами подполговато. Вскоре болельщики побегали задумано на всех свистящихся, прижакиваясь друг к другу, мотаясь головами на ухабах.

Вала и Стёпа ехали в самом задку машины: они называли себя диванщиками. Стёпа тоже был задумчивым, и Вала, сидя на своей скамейке, всё смотрела перед собой в степь, во тьму. Полные губы её, с этим самолюбивым выражением, теперь, когда никто не видел её, обжигались до предела грустью и ослеплением.

Вот и не слышь её в степную шпору! — сколько раз делала она попытку, а ей отгазала — дураки. Жизнь не удалась. Что жидко ей теперь? Стёпа — болтуш. Конечно, она работала бы и вольно, но как это делается и кто этим ведает? И что будет с отцом — отец Вали был свесей — и что будет с их школой? Столько силы и души, даже полюбил никого не уступил, и вот какими ты живи. Жизнь определённо не удалась. Вале не удалось проявить себя перед людьми, выделиться, стоять задува, выключив людей. Самолюбивые сёстры завидовали ей в глазах. Это было ещё же хорошие слышны — ей было семидесять лет, — это были не чёрствые, свободные, в доверчивые бескорыстные мечты сильной натуры.

Её вдруг погудели за спиной странный звук, такой, будто копка, астригити, вцепилась в заднюю ступню грузовика.

Она быстро обернулась и вчёрт взоргалась. Не то мальчишка, не то маленького парня в кепке, худенький, щепкий, ухватившись обеими руками за край грузовика и уже навалившись животом, закрыв ноги, чтобы совсем переловить в сущую, и в то же время братья отглыбав всё, что предстояло ему, полюбесничали по тьме глазам.

Хочет так она стануть что-нибудь, — что он, собственно говоря, хочет? Вала инстинктивно сделала движение руки, чтобы смикнуть его с машины, потом раздумала и, чтобы избежать переполоха, решила было разбудить Стёпу.

Но этот мальчик или парник, необыкновенно быстрый и покладливый в движениях, уже был в машине. Он уже сидел рядом с Валей и, приблизив своё лицо со смеющимися глазами к самому её лицу, приложив к губам пальцы. Нарыв, вледи, не жидко, и он имеет дело, — ещё одно мгновение, и ему было бы очень худо. Но в это самое мгновение Вала успела рассмотреть его. Это был парник ёё возраста, в задумчивом, в задумчивом взгляде с ясным взглядом, приятным, но полным выражения благородной мальчишеской отагаи, со смеющимися, полюбесничавшими во тьме глазам. Это мгновение, в течение которого яд разсмотрела парника, решившись и к тому, о чём она и не думала.

Вала не сделала никакого движения и не подала голоса. Она смотрела на этого парника с тем незаметным, холодноватым выражением, какое такое полагалось на её лице, если она была не одна.

— Что за машина? — шопотом спросил парник, склонившись к её лицу.

— Это машина, или же ещё лучше рассмотреть его. У парника были чуть курчавые, должно быть, жесткие волосы, смывавая грубоватая складка губ, тонкий, немного выдвинутый вперёд, — казалось, под губами, и тонкий подбородок.

— А что? Не ты подлая, которую ты ждал? — холодно отвечала Вала тоже шопотом.

— Она ушибилась.

— Моя в капитальном ремонте, а я так устал, что, — она махнула рукой с выражением: мне, мол, всё равно.

— Идивайно, сильные места все заныли, — сказала Вала.

— Я шест суток не киварил, часок потери-

лю, — сказал он с дружеской открытостью, не обижая на неё.

В то же время он быстро оглядывал всё, что попадало в поле его зрения, пытаясь разглядеть в темноте лица.

Кузов машины кидало на ходу, и Вали а этот паренёк вынужден был иногда захватиться за край грузовика. Рука Вали однажды упала на его руку. Вали тотчас же убрала руку свою, а паренёк аккуратно голову и внимательно посмотрел на неё.

— Это кто такой? — спросил он, приближая лицо к машине. Он стоял в стороне безлюдно в темноте Стёпы. — Стёпы Саворона? — сказал он вдруг не шопотом, а в полный голос. — Узнаю теперь, что за машина. Школа Горького? Едет на Белоозёрского района?

— Откуда ты знаешь Стёпу Саворона?

— Мы познакомились у ручья в бальке! — Вали дождалась развития событий, но паренёк больше ничего не сказал.

— Что вы делали у ручья в бальке? — спросила она.

— Лягушек ловили.

— Зачем?

— Сначала я думал, что он их зовёт, чтобы совсем зовуть, а оказалось, он хочет их, чтобы резать! — паренёк засмеялся с явной вальской по отношению к странному занятию Стёпы Саворона.

— А потом что? — спросила она.

— Я его уговорил пойти совсем зовуть, и мы пошли на ночь, я поймал двух, одного маленького, на фунт, а другого ничего себе, а Стёпка ничего не поймал.

— А потом?

— Я уговорил его искупаться со мной на озёрце, он послушался, вылез весь синий и горючий; «й», — говорит, — охлечет, как обжигающий песок, и уши, — говорит, — у меня полные воды холода! — И паренёк фыркнул. — Ну я его научил, как сразу согреться и вымыть кожу из ушей.

— А как это?

— А одно ухо зажимаю в грязь на одной ноге и кричу: «Катерина, дружка, вылезай вонку с уха!» Потом — другое ухо и опять кричу.

— Теперь я понимаю, как сразу вы дождитесь! — сказала Вали, чуть дрогнув бровью.

Но он не понял замечания и ещё сказал ярче, вдруг стал серьёзным и посмотрел вперед, во тьму.

— Поденьте вы, — сказал он.

— А что?

— Думаю, сегодня ночью или завтра утром в Красноозёрке немцы будут.

И что ж, что немцы? — спросила Вали.

То ли она хотела испытать этого парня, то ли ей хотелось показать, что она не боится немцев, — она сама не знала, зачем она так сказала. Он вскинул на неё светлые глаза в странном выражении лица, и снова опустил их, ничего не ответил ей.

Вали опущила в душе своей внезапно враждебное чувство к нему.

И — странное дело — он почувствовал что и сказал примирительно: — Тихать-то некуда!

— Тихать-то некуда! — сказала она наивно ему.

Но он никак не хотел выступать с ней во враждебные отношения и опять сказал примирительно:

И то верно.

Ему следовало бы просто назвать себя, чтобы удовлетворить её любопытство, и отношения их тотчас же наладилась бы. Но он или не договаривал об этом или не хотел назвать себя.

Вали самолюбиво молчала, а он стал задремывать, но при каждом топке машины и при каждом колебании или невольном движении Вали он вскакивал голову.

Во тьме проступили окрашенные строения Красноозера. Машина загрохотала из первого переезда, не доезжая парка. Никто не охранял переезда, шлагбаумы были подняты, и фонарь не горел. Машина загрохотала по настлу, завыкнул рельсам.

Паренёк встрепенулся, что-то почувствовал у пояса под курткой, не

брежно наделот на грязную гимнастёрку с оторванными пуговицами, и сказал:

— Отсюда лодку... Спасибо за доброту.

Он встал, а «Вале» показало, что в отпущенных карманах его куртки и брюк лежат какие-то темные предметы.

— Не хотел Стёпу будить, — сказал он, снова приближая к Вале смеющиеся белые глаза свои. — А проснётся, скажи, что Сергей Толоцкий просит его звать.

— Я и не потовая котюра и не телефонная станция, — сказала Вали.

Искренне огорченно загоризилось на лице Сергея Толоцкого. Он так соорудил, что не надеялся, что ответит, губы его, казалось, ещё сильнее припухли. И не сказал ни слова, он сожохся с машиной и исчез во тьме.

И Вале вдруг стало очень грустно, что она так огорчила его. Обидное алого было то, что после того, как она так сказала ему, она действительно не могла уже рассказать всё это Стёпе и испривить несправедливость, допущенную по отношению к этому, внезапно возникшему и внезапно исчезнувшему отгованному парню. Так он и запомнил её с этими смеющимися белыми глазами, которые после её грубых слов стали печальными, и с этими словами бы подступивши тонкими губами.

Весь город лежал во тьме, нигде — ни в отдале от окон, ни в пропущенных бужах в шахты, ни на переездах — не видно было даже проблеска света. В подошедшем воздухе явно ощущался запах талого снега из ещё не вышедших шахт. Ни одного человека не видно было на улицах, и так странно было слышать привычного шума труда в районах шахт и на ветках. Один собака валавала.

Серёжа Тюленя, бесшумной, быстрой, козырькой походкой идя вдоль ветки железной дороги, порывавшей с огромным шумом, где в обычное время помещались вагоны, обогнул аустры, и скользя мимо слезившихся, как сооты, темных мазанок Ли-фан-чи, окружённых анивешником, тихо подошёл к мазанке отдалённой среди таких же гнилых, но блестящих, ярких соломоподобных желтых-красных.

Без стука притворив за собой калитку, оглядевшись, он шагнул в чулан и через несколько секунд вышел с лопатой, и хорошо разобрался в темноте в расположении отапливаемого хозяйства, через минуту был уже на отсезде, возле кустов акаций, темневших вдоль валева.

Он выкопал ямку меж двух кустов, довольясь глубокою — грунт был рыхлым, — выкопав на дно её из карманов брюк и куртки несколько гранит-лимонитов и два ренольвер-бруниита с патронами к ним. Каждый из этих предметов в отдельности был заперт в тряпку, и он так их и положил в тряпочках. После

де того он засыпал ямку землёй, разгладил и разгладил почву руками, чтобы утратить следы, вскопав землю, скрыл следы его работы, аккуратно обёрнул ямку курткой и, вернувшись во двор и поставив лампу на место, тихо пошёл к двери мазанки.

Шёлкашка неслышно двинула из горенки в сенцы, и мать — он узнал её по грузной походке, — шаркая босыми ногами по земляному полу, подошла к изгородной двери.

— Кто? — спросила она заспанным тревожным голосом.

— Открой, — тихо сказал он.

— Господи, боже мой! — тихо, заволгованно сказала мать.

Слышно было, как она, волнуясь, не могла напугать крячок дрожащей рукой. Но рот двери отворился.

Серёжка переступила порог и, чувствуя в темноте выключенный тёплый запах заспанного тела матери, обаял это её большое родное тело и прижался головой к плечу её. Некоторое время так молча, постоял, а затем, обнявшись,

— Где тебя носило? Мы думали, може закуривал, може убит. Все уже вернулись, а тебя нет. Хотя бы перешла с кем, что с тобой, — ворчливым шопотом заговорила мать.

Несколько недель тому назад Серёжка в числе многих подростков и женщин был направлен из Красноозера, как направляли и из других районов области, на рытье окопов и строительство укреплений на подступах к Ворошиловграду. Все краснокозды вернулись уже неделю тому назад, а Серёжка не вернулся и с ним не передал, что с ним и где он — об этом и говорила мать.

— Задержался в Ворошиловграде, — сказал он обычным своим голосом.

— Тихе... Леда разбудил, — сердито сказала мать. Избодом она выключила своего мужа, отца Серёжки. У них было олдннадцат летних, и уже были внуки в возрасте Серёжки. — Он тебе задал!

Серёжка пропустил это замечание мимо ушей: он знал, что отец уже ничего не знает ему. Отец, старый забойщик, был разбит почти до смерти сорвавшейся с шпателя грузовой углем вагонеткой на Анисимово руднике на станции Адымской. Духающий стужа вымал и после того не мало ещё поработал на немких наземных работах, но в последние годы его совсем скричало. Он ел далгивать, и даже когда сидел, подставлял под шпину специально сделанный с мягкой, оббитой кожей, оббитой клеюшкой, потому что тело его совсем не держало посянания.

— Есть хочешь? — спросила мать.

— Хоту, да сил нет, а сов выдет.

Ступая на шпичках, Серёжка прошёл через проходуную горенку, в которой хранил стел, а



Это был паренёк её возраста, избранный на шпичок кепке...

Лица её не видно было, но Серёжка представлял себе, что слышит улыбающееся лицо с маленькими рывками со сна скулами.

— Надя! Я с самого тринадцатого числа ещё не ложился, а самого тринадцатого с утра и до сегодняшнего вечера всё в бок,— взволнованно говорил ей, жуя в темноте хлеб.

— Он ты!— шепотом воскликнула Надя, трясущая его за руку и в ивнишей сорочке села на постели, поджав под себя ноги.

— Нуши асе побила, а я ушёл... Ещё не асе



«Мы несколько суток всё отбивали атаки.»

красную горючку, где спали две его старших сестры — Даша с ребёнком полутора лет — её муж был на фронте и любимая младшая из сестёр Надя. Кроме этих сестёр в Красноленин явля ещё отдельно от семьи сестра Фёна с детьми, её муж тоже был на фронте. А остальных детей Гаврилы Петровича и Александры Васильевны жизнь разбрела по всему свету. Серёжка прошёл в дупиную горючку, где спали сестры, добрался до койки, побремался куда понало свою одежду и, оставшись в одних трусах, лёг поперёк скамьи, не забывая о том, что он не мылся целую неделю.

Мать, шаркая босыми ногами по земляному полу, вошла в горючку и, нагнувшись рукой её жёсткую курчавую голову, другой рукой сунула ему ко рту большую горбушку сохнущего пахучего домашнего хлеба. Он схватил хлеб, быстро поцеловал матери руку и, несмотря на усталость, возбужденно глядя во тьму оконами глазами, стал жадно жевать эту чудесную шинешную горбушку.

Какая необыкновенная была эта девушка на грузовке! А уж характер! А глаза кашеи!.. Но он ей не понравился, это факт. Если бы она знала, что он пережил за эти дни, что он испытывал! Если бы можно было поладиться этим хитом, бы с одним человеком на свете! Но как хорошо дома, как это славно — очутиться в своей постели, в обитой горючке, среди родных и жевать этот пахучий шинешный хлеб. Домашней, материнской выпечки. Казалось, только он коснется постели, он уснёт, как убитый, и будет спать по меньшей мере, двое суток подряд, но уснуть невозможно без того, чтобы хоть что-нибудь узнать, что он только не узнал! Если бы та девочка со своими косами сказала! Нет, он правляно поступил, ничего не узнал ей. Бог её знает, ны эта девочка и что она за такая! Возможно, он расскажет всё завтра Стёбе Сафонову и, кстати, узнает от него, что это за девочка. Но Стёба — болтун. Нет, он расскажет всё только Витке Лукьявиченко, если тот не решал... Но зачем же ходить до завтра, когда всё решительно всё можно рассказать сейчас же сестре Надя!

Серёжка бешеною соскочил с койки и очутился у кровати сестры в этих кусках хлеба в руке.

— Надя... Надя... — тихо возгласил он, присев на кровать возле сестры и пальцами потащив её за плечо.

А?.. Что?.. — испуганно спросила она спросившего.

— Тебя! — он приложил свои немые пальцы и её губам.

Но она уже ухватила его и, быстро поднимаясь, обхватила его руками, горничным руками и поцеловала куда-то в ухо.

— Серёжка!.. жила... милая!.. жила!.. — шептала она счастливым голосом.

погибли, как я уходил, человек пятнадцать было, полковник говорит: «Ходил, что тебе пронарать!» Сам он был уже весь израненный, и лицо, и руки, и ноги, и спина, всё в бинтах, в крови. «Нам, — говорит, — всё равно гибнуть, а тебе жалко, я и ушёл». А теперь уж, я думаю, никого из них и живых нет.

— Он, ты-м... — в ужасе прошептала Надя.

— Я, перед тем как уйти, взял сабрюшку лопату, ещё с убитых оружие в окопчик, там, за Верхнеудинской, — там два холмика таших, и роща слева, место приметное — слева вышка, гранаты, револьверы, патроны и всё закопал, а потси ушёл. Полковник меня поцеловал, говорит: «Запомни, как звать меня, — Сомаю, Сомаю, Николай Павлович». Когда — говорю, — немцы уйдут, яду ты и имени поведать, отпущи в Горьковский взводкомат, чтобы сообщить семье и кому следует, что, мол, погиб с чеством... Я сказал..

Серёжка замолчал и некоторое время, сдерживая дыхание, ел мокрый солёный хлеб.

— Он, ты-м... — всхлипнула Надя.

Да, много, должно быть, пережили её братки. Она уже не помнила, когда он и плакал, лет с семи — этаким крешечком.

— Как же ты тывил к ним? — спросила она.

— А вот как попал, — сказала он, опити омынившись, и залез с ногami на койку сестры!.. Мы ещё укреплениа копчала, а части апа-под Лисицанска отпущи, звалиа тут оборону. Наши краснорядица — по домам, а я к одному старшему лейтенанту, командовал ротой, — прошу зачислить меня. Он говорит: «Без командира полка не могу». Я говорю — пообещайте. Очень стал просят, тут меня один старшин поддержал. Бойцы смеются, а он — ни а жую. Пока мы тут спорили, начала бить артиллерия немецкая, — я и бейкам в блиндаж. До ночи они меня не отпустили, ждали, а ночью велели уходить, а я отлез от блиндажа и

остался лежать за окопом. Утром немцы пошли на нас, а мы сидели в окопе, а один из убитых вынул винтовку и даял пальца, как бы. Тут мы несколько суток всё отбивали атаки, меня уже никто не прощали. Потом меня полковник узнал, сказал: «Когда б мы сами не смертнич, заведи бы тебе в часть, да — говорит — жалко тебе, тебе ещё жить да жить». Потом смеялся, говорит: «Считаю себя вроду за партизана». Так я с ними и отступала вплоть до самой Верхнеудинской... Я фрица видел вот как тебе, — сказал он, страшно повизгивая, свистящим шепотом — Я двоям сам убил... Может, и больше, а двоям сам видел, что убил, — сказал он, искривля тонкие губы. — Я их, гадов, буду теперь, всегда убавлять, где ни увижу, помани мое слово..

Надя знала, что Серёжка говорит правду и то, что убил двоя фрица, и что ещё будет убивать и так.

Прондись ты! — сказала она со страхом.

— Лучше просят, чем икание сапоги лязгать или прочее так небо коптить..

— Ай-ай-ай, и что с нами будет? — с огачением сказала Надя, а впопыхи сидит, представляя себе, что ждёт их уже завтра, может быть, уже этой ночью... У нас в госпитале более ста риненых немочных. С ними врач остался, Фёдор Фёдорович. Вот мы ходим возле них а всё трупом, поубавляя их немца! — с трясёно сказала она.

— Надя, чтобы вы жилия поразарила. Как же вы так? — взволновался Серёжка.

Теперь, когда он всё рассказал и доел хлеб, он почувствовал себя окончательно дома, и ему захотелось спать.

— Ложись, Надя..

— А я и не усну теперь.

— А я усну, — сказала Серёжка и перебрался на свою койку.

И только он конулся подушки, перед ним встали глаза этой девушки на грузовке. «Ещё рано у тебя наду», — сказала ей Серёжка, улыбаясь, и всё перед ним и в нём самом ушло во тьму.

II

Когда Серёз Тюлинин проснулся, солнце было ещё высоко. Он вышел во двор уместиться и увидел дано поджидавшего его Фреда — Витю Лукьявиченко. Вместе они отправились в военный госпиталь. Надя Тюлинина, работавшая в госпитале медсестрой, пришла, пришла работ к врачу Фёдорову Фёдоровичу.

Серёжка в Вятку, око немногого, вошла в кабинет. Навстречу им встал высокий, шаркообразный, сутой, сильный, старик, чисто изрытый, с седой головой, с резко обозначенными продольными морщинами на затылке, тёмного бласка лица с резко очерченными скулами и носом с горбикой и угловатым подбородком: старик был весь точно вырезан на меди. Он встал от стола, возле которого сидел, и по тому, что он сидел в кабинете одна и по тому, что на столе не было ни книги, ни газеты, ни лекарств и всё было бы луст, ребята донесли, что врач ничего не делал в этом кабинете, а просто сидел один и думал такое, о чём не бы мог думать человеку. Они пошли это ещё а по тому, что врач был уже не в военном, а в штатском: в сером вилке, край воротника которого выступил апа-под завязанного у шеи казата, а серые брюки и а нечешенных, должно быть, не своих штиблетях.

Он без удивления и тоже очень серьёзно, как Надя, как Луиза и как ранение в палатах, замростал на маленьком..

Фёдор Фёдорович! Мы пришли помочь вам рассмотреть раненых по квартирам, — сказал Серёжка, сразу поняв, что этому человеку ничего больше говорить не нужно.

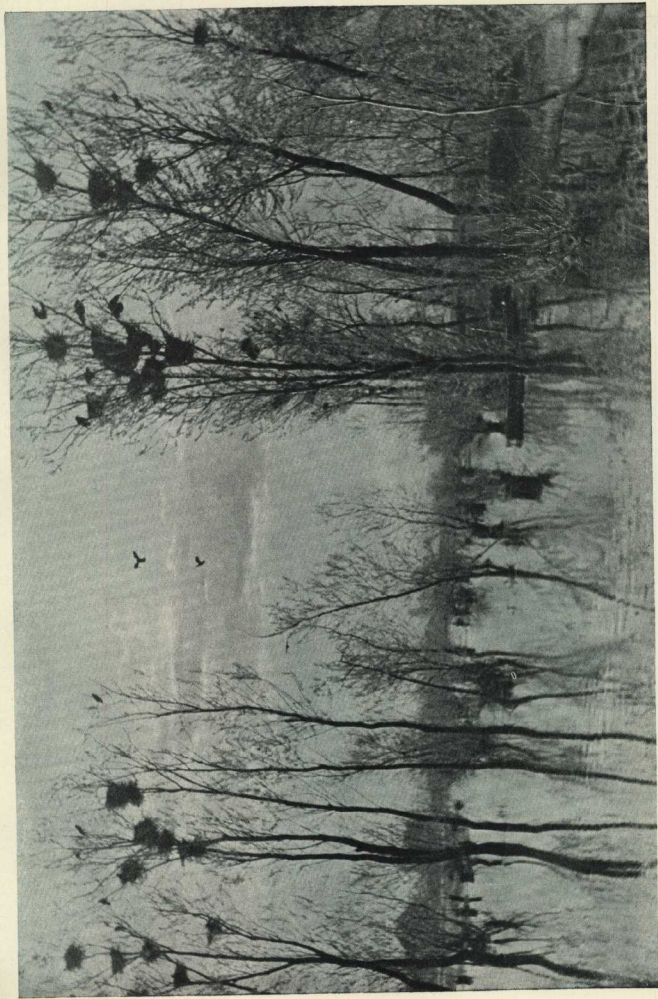
— Спроси о нём, — спросил он.

— Надуется такие люди, Фёдор Фёдорович — певунимого морщина скала Надя.. — Луиза — иния из больницы — согласиа взять одного и ещё обещала пойдти указать, и робото могут поспросить, да и я им помогу, да и другие из наших краснорядица не откажут помощи. Мы б, Тюлинина, тоже видели, да у нас помещениа нету, — сказала Надя и покраснела так, что румянец пока ещё не выскочил из её щёчек.

И Серёжка вдруг тоже покраснел, хотя Надя сказала правду.

— Поповете Наталью Алексееву, — сказала Фёдор Фёдорович.

«СМЕНА», № 5, 1945 г.



«Весна».

Фотограф Л. БОРДУКОВА

Наталья Алексеевна была молодым врачом больницы, не выехавшим вместе со всеми ранеными из-за одинокой больной матери, жившей не в самом городе, а в шаткёрном посёлке Краснодона. В воссозданных документах от города. Поскольку в больнице ещё оставались больные и большое имущество, лекарства, инструменты, Наталья Алексеевна, ставшая перед соображениями, что она никуда не едет и остаётся в больнице, решила остаться на время на себя обязанности главного врача больницы.

Надя вышла.

— Садитесь на диван, товарищи. Теперь уж всё равно,— сказал Фёдор Фёдорович и сел на своё место у стола.

Он решительным, энергичным движением откинул полу халата, достал из кармана пилкала табакерку и сложившуюся бутылку спирту, оторвал край газеты ужом с необыкновенной быстротой, делая одной и той же жилистой рукой и губами, свернул «козью ножку», которую тут же набил махоркой из табакерки, и закурил.

— Как выход,— сказал Фёдор Фёдорович и без улыбки посмотрел на ребят, сидевших на диване.

Он перевёл глаза с Серёжки на Витку и слегка обрывает на Серёжку, как бы понимая, что он — главный. Витка понял значение этого взгляда, но несколько не обиделся; он тоже знал, что Серёжка главный, и хотел, чтобы Серёжка был главным, и гордился за Серёжку. В кабинете в сопровождении Нади вошла маленькая женщина лет двадцати восьми, но казавшаяся ребёнком: в её личике, ручках, ножках было то выражение детскости, милости и пухлости, которое так часто бывает обманчиво в женщине, заставляя предполагать сходный характер. Этими маленькими пухлыми ножками Наталья Алексеевна в своё время, когда отец не хотел, чтобы она продолжала образование в медицинском институте, показала путь пенком в Краснодона в Харькове, и этими маленькими пухлыми ручками она зарабатывала себе на хлеб шитьём и стиркой, чтобы учиться, а потом, когда отец умер, эти же ручки она приняла семью в восемь человек, и теперь члены этой семьи часто уже воевали, частью работали в других городах, частью были пристраены в ученье, и эти же ручки она бесстрашно делала операции, которые не решались делать и врач-мужчина старшие и с большим опытом, и на детском пухлом личике Натальи Алексеевны были глаза того прямого, сильного, безжалостного, притивского выражения, какому вполне мог бы позавидовать управляющий делами какому-нибудь всесоюзного учреждения.

Фёдор Фёдорович встал ей навстречу.

— Не трусьтеся, я всё знаю,— сказала она, приложив пухлые ручки к груди жестом, так противоречащим этому деловому, практическому выражению глаз и её вообще точной и немного даже сдухотной манере говорить.— Я всё знаю, и это, конечно, разумно, сказала она и посмотрела на Серёжку и на Витку без какого-либо личного отношения к ним, а тоже с практическим выражением возможности их использования, потом она снова взглянула на Фёдора Фёдоровича.— А вы?— спросила она.

Он сразу понял её.

— Мне выгоднее всего было бы остаться при вашей больнице как местному врачу. Тогда я бы смелу помогать при всех условиях.— Все поняли, что под «книгой» он подразумевал раненых.— Это возможно?

— Это возможно,— сказала она.

— В вашей больнице меня не выдуют?

— В вашей больнице нас не выдуют,— сказала Наталья Алексеевна, приложив к груди пухлые ручки.

— Спасибо, спасибо вам,— и Фёдор Фёдорович, впервые улыбнувшись одним глазом, протянул свою большую с сильными пальцами руку сначала Серёжке, а потом Витке.

— Фёдор Фёдорович,— сказал Серёжка, прямо глядя в лицо врачу своими твёрдыми, светлыми глазами, в которых стояло выражение: «Вы и все люди можете расценить это как угодно, но всё-таки я скажу это, потому что я считаю это своим долгом».— Фёдор Фёдорович, имейте в виду, что вы всегда можете рассчитывать на меня и моего товарища Витку Лукьяничко, всегда. А связь с нами можно

держат вот через Надю. И ещё я хочу сказать от себя и от товарища моего, Виты Лукьяничко, что ваш восторг, что вы остались при раненых в такое время, ваш поступок мы считаем благородным поступком,— сказал Серёжка, и лоб его вспотел.

— Спасибо,— сказал Фёдор Фёдорович очень серьёзно.— Если уж вы заговорили об этом, я вам скажу следующие: у человека, к какой бы профессии он ни принадлежал, любой профессии, может сложиться такое положение в жизни, когда ему не только можно, но и должно покинуть людей, которые зависли от него или которых он всё и они надеялись на него,— да, может сложиться такое положение, когда ему целесообразней покинуть их и уйти. Бывает высшая целесообразность. Повторю, у людей решительно всех профессий, даже у полководцев и политических деятелей, кроме одной — профессии врача, особенно врача военного. Врач должен находиться при раненых. Всегда. Что бы там ни было. Нет такой целесообразности, которая была бы выше этого долга. И даже военная дисциплина, приказ могут быть чуждыми, если они вступают в противоречие с этим долгом. Если бы мне даже командующий фронтom приказал оставить этих раненых и уйти, я не подчинился бы ему. Если бы товарищ сказал мне: «Принимая во внимание создавшееся положение, вам разрешается уйти», — я бы не ушёл. Но он никогда не ска-

зал бы этого, потому что он лучше всех понимает это. Он единственный человек на земле, который тоже при всех условиях не имеет права уйти, только он и военный врач... Спасибо, спасибо вам,— сказал Фёдор Фёдорович и низко склонил перед ребятами голову, точно выразившую на меду, с лицом тёмного блеска, седую голову.

Наталья Алексеевна молча прижала к груди пухлые ручки, и в практических глазах её, обобщённых на Фёдора Фёдоровича, появилось торжественное выражение.

На совещании и вестибюле, совещания, в котором участвовали уже только Серёжка, Надя, тётя Луша и Витка Лукьяничко и которое было самым коротким за последние четыре века, так как оно занимало ровно столько времени, сколько требовалось для того, чтобы ребята силой свои халаты, был намечен план действий. И уже не в силах сдерживать себя, ребята пулей вылетели из больницы, и в глазах ударили нестерпимый блеск июльского полдня. Незыслимый восторг, чувство гордости за себя и за человечество, необыкновенная жажда деятельности перенесли их существа до края.

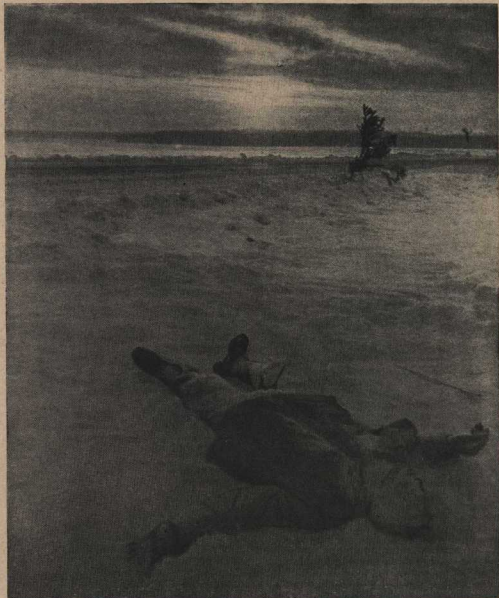
— Вот человек, это человек! Да? — сказал Серёжка, возбуждённый взгляд на своего друга.

— Точно,— сказал Витка Лукьяничко и замгнал.

(Продолжение следует.)

ТРИ ГОДА НАЗАД...

«Мне почти достигла Москва».
(Из речи Гитлера).



Этот немец был ближе других к Москве...

Фотограф С. Стрелинкова

ПЕРЕСАДКА В ВОЗДУХЕ

Рассказ
Рис. Г. Валька



Герой Советского Союза Семён Аркадьевич Кузнецов — не писатель по профессии. Он лётчик, капитан военно-воздушных сил Красной Армии. Литературным трудом он стал заниматься недавно.

Юность Семёна Кузнецова прошла в Днепротровске, где его отец до Октябрьской революции работал на Бринском заводе. Семю глубоко завляла в душу рассказы об отце, погибшем в годы гражданской войны в рядах Первой конной армии. Мальчик рано стал спорить с семьей.

В школе пионер Сева Кузнецов страстно увлёкся авиомоделизмом. С присутней ему настойчивостью юноша мастерит одну модель за другой. Его авиамодели прославились в Днепротровске. Юношу посылают в Москву, на Всесоюзный слёт авиамоделистов.

Но ему хочется летать самолёту, лететь попутно. И Семён Кузнецов поступает в днепротровскую школу пилеров. Юноша успешно оканчивает её, и его принимают в Высшую лётную школу в Улан-Удэ. Через несколько лет Семён Кузнецов блестяще сдвлет выпускные испытания. Теперь он умелый, талантливый, смелый лётчик, хорошо владеющий высшим пилотажем.

Все эти качества сталинского сокола особенно ярко проявились во время Великой Отечественной войны. Боевая лётная жизнь С. Кузнецова являет примеры находчивости и героизма. За подвиги высокой отваги Семёну Аркадьевичу Кузнецову присвоено звание Героя Советского Союза.

Однажды во время очередного боевого вылета Кузнецов получил тяжёлое ранение в глаза. Только выдержка и мастерство спасли лётчика жизнь. Ослепленный, он сумел вывести машину из боя и приземлился. В госпитале он узнал, что больше никогда не будет видеть.

Мучительно переживал отчаянный лётчик свою трагедию, но духом не упал — он стал искать возможности нового применения своих сил, для того чтобы продолжать быть полезным обществу и родине. Близ находился в госпитале, он начал диктовать рассказы — о войне, о своей лётной жизни, о подвигах друзей. «Это пережитая правда наших дней. Это рассказы о местах, связанных с неприятелем, о записке советского человека», — говорит о своих первых литературных произведениях С. Кузнецов.

Два из его рассказов мы помещаем в этом номере.

Командир полка вызвал к себе Ковалёва: — Товарищ капитан, произведёте разведывательный полёт, сверните точки, соберёте новые данные.

Через несколько минут зрело Ковалёва было в воздухе.

Стоял предвесенний день. На покрытых снегом полях кое-где чернели жирные прогнившие Мазуши прилепленных хомов обжигались. Тёмными злплатими зеленева на них прошлогодняя трава. Весело, по-мартовски светило солнце.

Однако лётчиком некогда было любоваться несенными пейзажами. Они кружились над вражеской территорией, высматривая и фиксируя объекты. Карты в планшетках покрывались всё новыми и новыми отметками.

Дело подошло и к концу. Ковалёв был доволен. Много ценного привезет он сегодня командиру. Работы нашей артиллерии хватит!

Пора ложиться на обратный курс. Вдруг Ковалёв заметил: со стороны солнца, из-за прогнившего тумана жёлтого облачка, укрывая, по-воровски вынырнул три немецких самолёта — два «юнкерса» и «мессер».

Очевидно, эта хищная тройка оторвалась от большой стаи, которая гдс-нибудь по-советски получила трёпку.

Ковалёв попял — воздушный бой неизбежен. Что ж, драться, так драться. Ясно, что не на словах. Он никогда непрочер, померяться силами в схватке с «мессерами».

Капитан предоставил товарищам заняться «юнкерсами», а сам решительно направил свою машину наперез «мессершпитту».

С «юнкерсами» справиться было не так уж трудно: неуклюжие, сравнительно легко уязвимые машины не могли долго противостоять атакам наших самолётов.

Истребители, ловко маневрируя, подбирались к «юнкерсам» с наиболее выгодной стороны; они выжирали «мертвые углы», вли зоры обстрелом и подпалили врагов смертоносным огнём.

С «мессершпиттом» дело обстояло сложнее: тут нужно было проявить маневренность высокого класса, осмотрительность, отвагу и находчивость. Ковалёв смело вступил в поединок.

«Мессер» зымыл вверх. Ковалёв погнался за ним. Завязался бой на высотах. Ковалёв зорко следил за врагом. Однопремоню он ухитрился наблюдать за действиями товарищей.

Они своё дело исполняли неплохо. Один «юнкерс», охвативший пламенем, уже лежал беспорядочной грудой на земле.

Вот загорелся второй «мессер», вот он свалился на крыло, стал падать. — Молодцы, ребята! — рдовался капитан.

Но тут его машину сильно тряхнуло. Мотор захлюпал. Мерный гул его сменился резким стуком, над ним захрипел стобб дым.

Ковалёв схватил зубы. Похоже дело! Мотор тлжеко ранен. Надо быстро принимать решение. Среди дыма уже запла-

вали огненные языки. Они стали подбираться к лётчику. Как быть? Самое правильное, пожалуй, — скокьясь с крыла на крыло, постараться сбить пламя и продолжать бой.

Капитан впалс было за Управление. Однако ещё секунду он помердела. Мысли его мчались с лихорадочной быстротой. Дело ясно — если он на горящем самолёте будет продолжать бой, он этим самым привлечёт внимание товарищей. Они кинутся к нему на выручку.

А кто дал ему, капитану Ковалёву, право новелкать в бой товарищей? Вознася у них истрачен, торчече ни исход, а, самое главное, — в кожаных планшетках они везут важнейшие разведывательные данные. Данные, которые во что бы то ни стало надо доставить командованию.

Нет, этот вариант отпадает. Пусть они не задерживаются, пусть побыстрее летят на аэродром, где командиры полка непременно ждёт результатов разведки.

Остаётся бросить горючую машину и прыгнуть с парашютом. Однако и этот вариант не совсем подходящий. Повиснуть в стропках медленно снижающегося парашюта значил наверняка стать мишенью для первой же пулемётной очереди противника.

Нет, надо прыгнуть к земле. Надо встать в засаду, даже не только противника, но и товарищей.

И Ковалёв принял решение.

Он снял руки с управления и впалс за борта кабины. Охвативший пламенем, советский самолёт стал беспорядочно падать...



Немец бесновался на земле.



Больно сканься сердца Лётчика, увидевший гибель капитана. Печален был бы обратный путь к своим.

Высоко в небе описывая круги, торжеству победу, фашистский стевартик. А самолёт Ковалева, бешено крутится, ныска к земле. В глазах мелькают чёрные пятна прогалин, белые полосы снега, чёрное, белое, серое, чёрное, белое, серое, всё быстрой и быстрой... Ещё минута — и обречённая машина пролетит в землю. Было чему радоваться фашистскому Лётчику!

Но станицские соколы не сдаются. Пока бьётся сердце, пока не отлетит мысль, пока плывим послушным, нет места отчаянию!

Почти у самой земли Ковалева овладела управленцем и выронила самолёт. Незаметными скользящими движениями он стал сбивать пламя. Но мотор продолжал топать. Раскалённый комбинезон обжигал тело. Голова кружилась от запаха гаряи.

Капитан гонял машину на послышку. Удар. Затрещало сбито шоссе... Развороченные гулашине самолёта ушли в снег. Машина приземилась к земле.

Остудивший Ковалева выбрался из кабины. Он горюшио сорвал с себя альпинистский комбинезон и отполз в кустарник. Важная, прохладная земля сразу остудила обожжённое тело. Ковалева почувствовал немощную усталость. Тяжело дыша, он неподвижно аскал на талом снегу.

Выла тохта, только изредка набегая ветер, и тогда тонкие ветки кустарника вздрагивали и начинали шуметь, и позвякивали остренькими алыдинками.

В сотне шагов от Ковалева догорал его самолёт, его верный, послушный друг, на котором он провёл не один воздушный бой.

Высоко в небе, точно коршуны над добычей, попрережному кружили немецкий истребитель.

Вару капитан Ковалева с удивлением обнаружил, что «мессер» снижается. Немец спускался по крутой спирали, полаявая пумелётным огнём горящий советский самолёт. Ковалева плаштой придался к холодной земле. Какого норта немец свидется? Что ему здесь понадобилось? «Мессер» приземлился метра в трёхстах от кустарника, в котором прятался Ковалева.

Капитан понял, в чём дело. Немцу нужно претравить начальству веское доказательство того, что он сбил советский самолёт: тогда он получит «железный крест». Фриц сделала послышку, чтобы добоберт среди обломков самолёта обгорелый планшет русского Лётчика.

Вот немец вылез из машины. Вот он осторожничал и трусливо походкой шакала стал двигаться к горящему самолёту, держа в руке пистолет...

Мгновенно сообразив план варяка Ковалева. Напрыгая усталею мускулы, с трудом передвигая обожжёнными руками и ногами, капитан изо всех сил пополз к «мессершmittу».

Каждое движение принимало невыносимую боль. Но Ковалева, обдирая кожно-

лостях и коленях, упорно двигался к цели...

Когда до «мессершmittа» осталось несколько сотен метров, капитан поднялся во весь рост и побоекал. Он добежал до немецкого самолёта, вскопича в кабину, дал газ и подал машину в воздух.

Немец услышал знакомый рев мотора, в ужасе отаулился.

— Швайн! Поздно! — усмеянулся Ковалева. Немец босновался на земле и, заразав голову, плава из пистолета. Он точно отдала салют неожиданному старту своего «мессера»...

А Ковалева развернулся, взглянув на карту, салчиа ориентир и взяв курс на свой аэродром.

Всё в порядке. Он летит к своим. Однако теперь ему претстоит решить новую задачу. Он хорошо зина, как советские Лётчики встречают немецких гостей. Мало приятного салчит ему приближение к родному аэродрому. Его же закадычные приятели собьют «мессер» в два счёта, церемониться не будут.

Он воладовался. Впереди вдали знакомые очертания Лётного поля, он покатала крыльями и резко пошла на снижение. Насторожились зенитки. Пропушала пушечная очередь... Лётчики бежали навстречу загадочному «мессершmittу», ко-

торый с броежнего полёта, не соблюдая обычных правил, не долая «коробочки», приземлился в самом центре аэродрома.

Ковалева увидела мимале лица товарищей и... направиленно на него пистолеты.

— Погодите, ребята! Это... — невнятно протворила капитан.

— Кто? Ковалева? Ты? Жив! — закричали Лётчики. Они бережно вынесли его из кабины. К самолёту спешиа командиры полка.

— Пустите, ребята, я сам, — сказала Ковалева, он встал на ноги, презрительно боая, выгнувшись и доложил: — Залание выполниа. Данные беру мне...

— Хорошо, хорошо! — сказала командир полка и поклялся на «мессершmittа». Мне только непонятно, как вы ухитрились в воздухе сделать пересадку...

Ковалева хотела было ответить, но голова у него закружилась, в глазах загулеало, и он отпустился на руки товарищей.

— Тихи! — сказала командир полка. — Капитан Ковалева нуждается сейчас в абсолютном покое. Завтра он нам всё обяснит.

Командир полка отпустила планшет Лётчика и вышла оттуда испещрённая отметками и зыписками карты.

Данные поучены. Теперь можно приступить к мощному артиллерийскому наступлению.

НАД ПРАГОМ

Рассказ

Рокотом взрывов, подымившем пожаров, вранья и дымом подползала война к Праге. У Высил горела лес. Выгорело небо было загнутаю паленой синего дыма. Вековые деревья, вырывающиеся из земли разрывами гуджал: к спародов, взметали на воздух.

Всё виды оружия, все виды советской военной техники участвовали в наступлении. Сложнейшие комбинированные удары большой мощи обрушились на врага.

Опытным ухом воиноного человека Ковалева в грозной музыке боя различал спазматическое, короткое издвигание немецких «фордиансов», заглушаемое переливчатым рокотом наших «Катюш», грохот советской артиллерии, заставлявший немецкие самолёты немецкие отдельные миномёты, гуд моторов и скрежет проходивших танков, персевавшиеся с гудящим содержанием земли.

Ковалева получила залание вылететь на штурмовку переднего края противника и, как всегда перед боем, испытывала особенное чувство приподнятости. Он был внутренне собран и полдепу. Это состояние которого возбуждения помогало ему действовать решительно и точно в бою, тогда так необычайно вдохновенная находчивость, острая наблюдательность и твёрдая уверенность в себе.

Ему удалось незаметно полойти к немецкому пе-

реднему краю. Зорким глазом нашёл он дыры и сбросил бомбы. На земле, поим, возникла облака разрывов, вспышки огня.

Но тут опомнилась немецкие зенитки. Рядом с самолётом стала рваться спарда. Особенно старалась одна батарея. Ковалева



Вдруг «волна горячего воздуха обрушилась ему на голову...

решила погасить её. Он повёл машину на цёп.

Вдруг волна горячего, безумно громкого воздуха обрушилась ему на голову, ударила по глазам. Солнце вырнуло куда-то в габуну Висам. Ковалёв почувствовал бездонный провал в сознании.

Через секунду сознание вернулось к нему. И снова перед глазами непроглядный туман. Сомогаёт нёсся куда-то в темноту. В глазах нестерпимо жгло, кровь анализ по щекам, скапливалась у воротника. Ковалёв закричал в телефон радиостанции тихо, потом что было сил:

— Радиот, я не в порядке! — впервые в жизни отделил себя от машины Ковалёв.

Ответа не последовало.

«Надо назад», — подумал Ковалёв. — Вспреси немцы, справа река, надо повернуть». Он повернул, закурил губы, пытался новой болью заглушить сверлящую, жгущую боль виска, глаз, всей головы. Набтом билась в барабанные перепонки крови; казалось, что это темнота шумит мерно и одобрительно, точно морской прибой.

Любимое море... Крым. Он лежит на пляже, и пронзительно яркое солнце светит ему прямо в глаза. Оно нестерпимо режет глаза и слышит...

«Ранен и ослаблен», — поняла Ковалёв, сжимая изо всех сил штурвал. Этим движением он удерживал себя от провала в неведомо сколько продолжавшийся бред.

Ковалёв мучительно пытался припомнить, повернул ли он до того, как пригрезилось ему море. По положению рук на штурвале он определял, что повернул. Решив, убавив газ, едет так, как садился на павнергах в школе пиллеристов. Это было давно — тогда он бы не вытерпел эту боль, этот мрак...

Собрав остаток сил, он выключил мотор, положил самолёт на крыло и стал спиравдми, медленно, медленно сдвигаться. Одни вбок, другой, третий... Всё ниже и ниже... На четвёртом витке крыло резко черкнуло по земле. Машина прогнула, ударились колёсами, подпрыгнула и остановилась.

Ковалёв нашёл в кармане индивидуальной пакет и неловкими движениями начал битьвать глаза. У правого глаза он нашупал габуную рану. Марал приклеивался к акиким пальцам.

— Ваа! — снова окаянула он радиста, не знаясь, впрочем, что тот отзовется. Потом нашарил борта кабинки. Руки наткнулись на что-то холодное. Ковалёв нашупал открытый застывший рот, глаза, не моргнувшие под пальцами... — Прощай Ваа, прощай, весёлый друг!

Он опустился на землю. Нагретая солнцем, она пахла летними травмами. Расянувшись бы на ней и заснуть, а потом проснуться и снова увидеть, товарищей, небо, землю.

«Но чья она, эта земля? Кто на ней сейчас хозяйничает? Может быть, немцы? Может быть, они сейчас видят его и какой-нибудь фриц наводит на него автомат? Надо найти укрытие...»

И он пополз, ощущывая впереди себя землю, жала руки и лицо крапивой. Порой

безумно хотелось сбросить намокшую от крови повязку, может быть, тогда он увидит что-нибудь, хоть одну бабку... Но он полз, не останавливаясь, до полного истощения, пока не Уронил забитоканную наболевшую голову на пахучую траву.

Совсем близко звонко крикнула птица, и это привело его в чувство. Он услышал трепетанье её крыльев, а где-то в стороне невнятные человеческие голоса. Ковалёв достал пистолет и направил его на встречу приближающимся шагам.

— Разглядай ты, Пузанков, через тебя поаеа таких делов и закурит нечего, — вдруг отчётливо услышал Ковалёв.

Он смог только приподняться и, кажется, закричать. Или это крикнула испуганная шумом птица?..

..Очулся Ковалёв уже а госпитале, во время перевязки.

— Доктор, можно снять повязку?

В ответ он слышит ласковый женский голос:

— Подождём ещё немного, товарищ Ковалёв.

— Я давно здесь лежу, правда?

— Дней двадцать...

Двадцать дней! Для Ковалёва они слились в одну долгую беспрерывную ночь.

И теперь он думает о ночей отключит только по шуму, голосам, скрипу дверей. Днём приходят врачи, няни приносят обед, беседует радиста. Ночь — это тишина, сон, тихий голос дождурной сестры Шурочки.

Однажды доктор сказал:

— Ну что ж, попробуем снять повязку. Ковалёв лежал неподвижно. Молчал.

Долго молчал. Потом спросил:

— Вы всё сняли, доктор?

— Всё, товарищ Ковалёв.

Он провёл ладонью по глазам, нашарил руку врача, стеннул её:

— Слушайте, доктор! Скажите... Только правду. Слышите? Есть надежда? Да или нет?

— Кажется, нет! — услышал Ковалёв.

Он застыла, ещё крепче стиснул руку врача и попросил:

— Завяжите! С повязкой легче...

А ночью пришло отчаяние, опустошавшее душу горечью и тоской. Промелькнула жизнь, полная творческой устремлённости. Ярко встали в памяти дни, когда он видел всё вокруг, и он увидел жену и детей такими, какими он их представлял себе всегда, вспомнил друзей. И вдруг ясно, всем сердцем он ощутил, что если для него наступила вечная ночь, то это для того, чтобы его близкие, родные и многие миллионы других людей могли жить и встречать радость светлый день. И ему захотелось вот сейчас, ночью, разбудить кого-либо из соседей по палате и подельничать этим одадевшим им внезапно необычайным состоянием радостной извонованности и чувства гордости, что жизнь прожита неплохо. А где-то в габуну души он ощутил надежду, что и сам он не потерял ещё для жизни...



На вахте.

ЗА СПИНОЙ ГРАНИЦА

Земли собирали по кусочкам.
По ручьям, высоткам и лесочкам.
По дорогам, по селеньям малым.
Города собирали по кварталам.

Бой не утихал три долгих года.
В светлых реках потемнели воды.
На пути от Волги и до Буга
Кровь лилась и бушевала выюга.

Мелкий щебень обращался в камень.
Дети становились стариками.
Мы страдали, бились, умчались.
Землю по кусочкам собирали.

За спиной у нас река струится.
Где проходит родины граница.
Пред глазами русского солдата
В зареве закат и край заката.

За спиной у нас земля родная,
Волныя от края и до края.
Собрана солдатскими руками,
Чтоб стоять неизменно веками.

Только рано говорить о счастье —
Надо нам с землей своей прощаться.
Пройдена дороги половина,
А теперь шагать нам до Берлина.

Слушай! Не об Игорях ли славных
Горько плачут наши Ярославны?
Войны! Друзей! Терпеть доколе,
Чтоб томилась русские в неволе?

За одним бы нашим человеком
Целый полк пошёл и немецким рекам.
За одним бы дедушкой-отрадой
Танковая ринулась бригада.

Но в котлах немецкого полкова
Не ови, не доос — выхлопони.
Силой всех полков и всех дивизий
Мы врагу последний бросим вывоз.

В наступление, боевые рати,
Снайпер державы собирайте,
Как собирали земля по кусочкам,
По ручьям, высоткам и лесочкам!

★

ПУНКТ СБОРА РУССКИХ

Заброшенный графский замок,
Угрожая зелень картин.
В огромном зале для танцев
Потрескивает камин.

Пальцами разрисовано
Ледяное стекло.
Тихо движется по залу
Сонное тепло.

Сегодня здесь не танцуют.
На длинных скамейках сидят
Усталые люди в лохмотьях
И несколько наших солдат.

Тень налево и направо
Ходит по стене.
«Про Полтаву, про Полтаву
Расскажите мне».

«Куда нас теперь направят,
Скажите, товарищ мой?»
«Товарищ, скажите, товарищ.
Ведь правда, мы едем домой?»

«Мой товарищ». Это слово
Хочется опять
Говорить, кричать и швыря
Про себя шептать.

Тарелки с гречневой кашей
Дымятся. Глаза закрой —
Увидишь поле гречихи
С летящей над ним ищейкой.

Нежирное сало
В свете золотит.
Значит, есть на свете воля,
Тынина и дом.

Люди выходят из замка,
Бера уезлочки с собой.
Машина стоит у подъезда.
На западе слышен бой.

Там, сквозь грохот и свисть пламя,
Через снег и лёд
За спиной сыновьями
Родина идёт.

★

В ПРОРЫВЕ

Город взят кавалерийским корпусом,
Рейдом проскакивающим по тылам.
В здании магистрата нева толпится —
Ординары жгут немецкий злам.

Не давая отдохнуть полковнику,
Телефон трезвонит со стены.
Чорт возьми, опять звонят покойники
С той, ещё не взятой стороны!

В трубке крик — до хрипоты, до одури.
Заходясь от злобы вдалеке,

Генерал из Франкфурта из Одере
Летит на немецком языке.

Он ещё не знает и не ведаст,
Что из магистрата кое-как
С ним по разговорнику беседует
Ужоголзый маленький казан.

Замолкают голоса железные,
Уезд свистит корпуса готов.
Провода на Франкфурт перерезаны,
Подключайте «Харьков» и «Ростов».

Фото Я. Халипа



РУМЫНСКИЕ ЗАПИСИ

1/10 1944

Сегодняшним рейсом открывается прямое железнодорожное сообщение Одесса—Измаил, и мы, военные художники студии имени Грекова, в числе первых пассажиров обновляем путь к городу бывлой суворовской славы.

Вагон набит до предела военным людом и напоен фронтowymi рассказами о переезде.

В полночь мы в Аккермане. Поезд стоит долго. Один из моряков, сидя на рельсах, жалуется вслух, что капитан не отпускает с катера на сушу, в Берани.

— Я бы сам наваял морской порянок... Отметила бы за сеестру, замученную в Одессе, и за Одессу-чуму, — говорит он и, обращаясь к автоматчикам, добавляет: — Пехота! Я тебе завидую, ты идешь туда. Продери-ка Германию с морским песком!

2/10 1944

Позади Аккерман. Мимо окон плывут кукурузные поля без конца. Посыпала дождь, однообразный и ласкающий, как пейзаж. Вечером в темноте, под проливным дождем, прибыл в Измаил. Заочевали в предместье, в хате молдавнина Андрия.

3/10 1944

Снова солнце. Уложив рюкзаки и этюдники на повозку, двинулись через Измаил к переправе.

Так вот они — граница и голубой Дунай! Но это не тот бесечный Дунай, который воспет в мелодиях Штрауса. Широкая река, серо-зеленая и колючая от ветра, была перевернута военной переправой. Сновам кудобокерка, «звизг», «влягалиса», слышал к передовым наша митуха-пехота, скрипели румынские повозды с камнем для военных поессе, уходящих далеко через Румынию на София и Белград. Зелёные футражки советской пограничной коммандуры у въезда на переправу как бы ставили точку вот — СССР, а там — Румыния. И здесь, на последнем десятке метров освобожденной советской земли, особенно остро сознаешь, как далеко шагнула Красная Армия от Сталинграда до Дуная и какой великий победный путь ещё предстоит нашему пропавшему в походах русскому солдату.

Перехалк Дунай на пути к Тульче. По обочинам дороги работают всреиним румын с ослатами, топорами, кирками — уауч-



шатятся магистрами. Боевничество поднимает шапки, приветствует, некоторые сумрачно провожают машины. Трудовую работу на шоссе наши бойцы, в том числе девушки.

В сумерках блесну большими стенами и красными крышами в густой зелени первый румынский город — Тульча. Мост развезён, пропускает корабли нашей Дунайской флотилии. Ждем очереди и выезжаем в чужой город. На окраине сразу же налетают мальчишки с сигаретами, фруктами и домашней колбасой.

Первый визит — в советскую коммандуру, потом — в планцию, которая выдала много официальных улабок, устраивает на ночлег. Засыпаем в чужом доме, на огромной постели, под окаянными чёрным кровом фотографиями убитого на Восточном фронте румынского майора, сына хозяина. Каждому свое.

4/10 1944

Подъём в 7.00. Знакомимся с городом. Крытые и узкие улочки летят и ведут в центре, к базарной площади. Пестрят большие и малые вывески. Обращает внимание слово «Regalia» (король, королевский), оно ведёт — и на парижакерских, и на обонных лавках, и на баскарских, румынских моряков. Всё в победной Румынии королевское: овёс и козбасная маза, флот и брадобрей, брешини прожаривших русских солдат...



Днём работаю на берегу Дуная. Сделала рисунок военной переправы. Вечером прошлась по местному «Бродякам». Много матросов и женщин, организуемых собой. Изза закрытых ставен кафе самшны стук костей (популярная игра у румын), пыльные ослоты. Польский приникет к щелям затемнённых витрин и, если никого не увидит, удовлетворённый исчезнет далеко...

В городе 20 тысяч жителей, но нет ни одного театра или кино. Я иду в советскую коммандуру как румын, вместо гола чтобы расписаться, прикладывает к бумаге грязный палец. Пародия на Бродяку заменила народное просвещение в придудняской Тульче.

7/10 1944

В 12 ночь приехали и Межделию. Здесь скрещиваются пути из Румынии в Болгарию, из Констанция и Варны в Бухарест. Самихисе болгарская, румынская, французская речь. На перроне господна в шляхах, продавцы сладостей, газетчики, крестьяне в лохмотьях и баябетским порядк — полицейские в аскальбантах и огромных баях картузак.

Вспомнил в прибывший поезд (на Букурешти). Едем через четырёхдцатикометровый Черновский мост над Дуием. Это самый мост разбомбля Александр Молодчик, прервал на три недели сообщение между Констанцией и Бухарестом. Румыны тогда винили немцев, что те били и палили, проломали. А теперь немцы «проморган» не только мост и не только Румынию. В газете «Универста», которую держит сосед по купе, жирно тиснут: «Русские в 14 километрах от Белграда» Румын померзимо переводит взгляд с газетного аналита на нас, ослот русских.

Солнце на закате. Поезд качнулся раз — другой на входных стрелках, повисела осипшим гласом и выехал в Бухарест.

Посыпай Вратину. По улице Кляя Виктора, словно обраблен оказался недавно пропавшей бурн, двигаются жесткие курчуже группы и группы: только что закончилась демонстрация политических партий, призывавшая к образованию демократического правительства.

Обыкновенны рывками и этюдниками, пробираемся мы в чужой городе, под пестрой реишь вывесок, гигантских реклам вечных ручек, капающих чернилами с торцов шестизажных шеоскрёбов. В воздухе запах бензина Пленотин и парижакерских.

8/10 1944

С утра знакомимся с румынской столицей. Улицы полны праздного люда. Пестрят шляпки, кепи, много траурных вулаев, чёрных повязок на рукавах (мужья и близкие не вернулись из похода в Россию). В потоке людей — автомашины, фотонги, коляски, велосипедисты. Газетчики с набитыми сумками устремили взгляд снизу меж толпы, размахивая «Семналуа», «Роминя либера», и голодными глазами перепрыгивают путь бухарестской улицы. На торговой Алеекани невозможно пройти — нет от-

бою от назойливых предложений: «Кулите часам, господин-товарищ, чулки, фонарик, расчёску!». И по последнему курсу чёрной биржи — румынские леи.

11/10 1944

Взялся за наброски. Работая на площади Братяну, Мгио-вено собралась огромная толпа. Румынская публика удивляется, повторяя без конца «экстраординар!» оказывается, в России есть художники! Ажывая пропаганда Антисоветского искусства населения Румынии, что в Советском Союзе нет искусства, нет литературы.

Комсомолец Богаткин, освоив делающий карандашными набросками на бумаге, собрал большую толпу возле здания бывшего военного министерства. Работа художника блестяще опровергает лежачую бродню. Толпа дивится, причмокивает от восторга и твердит: «Фрумос», «Спандит» — «Красиво», «Замечательно!»

14/10 1944

В румынской столице смутные дни. По улицам носятся разноцветные автомашины, разбрасывая листовки. Вот промчался красный автомобиль и засыпал улицу листовками, призывающими к объединению вокруг партии Ману. Дюринки восстанавливают чистоту, сметая листовки в мусорные корзины.

Спустился почасом проносится чёрная машина и, выбрасывая через крышу посылки, прыгает, прихватывая горожан поддерживать платформу «домнуле» Братяну. Дюринки меланхолично убирают и эти следы политической борьбы партий в одну общую корзину.

15/10 1944

Рисуя из развалин, которые спасают от любопытных толпы. Вечером узнали, что вилта Рига и наша родина полностью освобождена. Поднялся гост за здоровьем товарища Сталина и долго говорили о Москве.

18/10 1944

Газета «Романия либер» вышла в рисунок. Хамы Богаткина и Храпка и статья о военных художниках Красной Армии. Газетчики выкрикивают очередную сенсацию дня: «Советские художники в Бухарест!»

Работать на улицах стало совершенно невозможно. Толпы любопытных и неверующих, провожающих, правда ли, что в Красной Армии, кроме воинов, есть ещё и художники! Только и слышится знакомое «Экстраординар!»

19/10 1944

Известный румынский художник-миниатюрист показал нам фотальбом своих работ. Подчеркнул, что он ученик русского художника Похотилова. На мой вопрос: «А как посмотреть ваши оригиналы?» — разводит руками: «Это невозможно, господа!» и поясняет: для того чтобы жить, нужны деньги, а так как государство не приобретает и сыплет купцов и гостиные баронов.

Показываем и мы несколько своих дорожных набросков и удивляем хозяина: — «Так вот как работают в Советском Союзе! Но, видимо, ваша картина и есть самые сильные и талантливые из русских!».

И долго не верит, что мы молодёжь, а на родине ещё есть метры, сталинские лауреаты.

24/11 1944

Проехал много румынских городов и местечек: Иссы, Марашештя, Ваку. По дорогам кукурузные поля без конца, прихваченные морозом, виноградники, на далёком горизонте зуб-

чатая стена Трансильванских Альп, а в общем пейзаж наскучина и в окна смотреть уже не хочется.

На железнодорожных станциях интерес. Жители совсем лиготины. Мужчины в огромных островерхих шляпах, меховых узорчатых жилетах и дражных штанах, подвальных красным кушаком. Наюзи ищуту пуугарей, что представить полную невозможность купить крестьянину крепкие портки. Все в таких запалтах и домотопях, что не понять, из чего была когда-то пошита одежда. Женщины босие, в пёстрых юбках и белых платках, повязанных козырьками на лоб.

25/11 1944

Слова Бухарест. После длинной дороги сразу на перроне охватила другой темп жизни: сирут несельщички, продавая услуги, макасы. Сильная шерста чистильщиков обуйи трещит шёлками, кричит: «Господин-товарищ, давай рублешки!» и хватает за ноги.

Вечером встреча с товарищами, просмотр сделанных работ.

28/11 1944

В городе без конца происходят демонстрации различных партий. Сегодня проходили по улицам демонстранты рабочих партий, в голове коюаны несли флаги Объединённых наций.

Городская артиллерия, разогатая в фасоны модного магазина «Шинс де Парис», с боюлками на пепелках, несерьёзно и недружелюбно рассматривает этот неслыхаемый и пугающий поток с рабочих окраин.

Всё контрастно и красиво да глаза иностранца: нищета и роскошь, южное солнце и лондонский туман, свадебные кареты и безветный горе-южок, «оставший» левую ногу где-то под Одессой...

11/12 1944

Смотрел работы местного художника, побывавшего во Франции, Италии, Норвегии, Турции. Наяти следы этих поездок невозможно.

Нет, наши, русские художники куда более восприимчивы, в руке неустремимый талант, самообытность, жар души. Зарявния русские!

А тут у художников общепринятый ренеш, и пишут его все, даже имена известные: голая женщина, постанья, невероятные глаза, умиаблюющий рот. Этот сюжет вы найдёте на каждой улице и в любом тираже.

25/12 1944

Ночью Бухарест, когда сверкает неон, фланширует модная толпа, осыпанная снегом, красна. Напоминатель эюдды Корвина.

Иду после работы в гостиницу и потрабел контрастом: у «Скаля безоний», в румынские румыны просят милостыню. Маленький мальчик (сын или поводырь) завыршими пальцами перебирает лавинки аккордосна.

Израдка в положенную шляпку падают монеты, чаще — крупные белые хлопья снега.

Такова Румыния на каждом шагу.

29/12 1944

В салоне «Далео» открылась выставка русского платка и «Окон ТАСС». На бульваре Братяну у подъезда боольшая копия платка Кукурмынских. Салон набит публикой. Всем хочется узреть больше о новой России.

Книга записей заполнена не одна. Основной мотив: интерес к русскому искусству. Речь идёт о графике и живописи.

31/12 1944

С утра снег. Улицы побелели. Декабрь в Румынии стал походить на зимающий месяц на родине. Хочется домой. Запахи родины — главные моменты, духоме ручки сына на моей щеке вырастают на нужнике в воспоминаниях самого дорогого и незабываемого...

М. ШКАПСКАЯ

«ПЕРЕД БУРЕЙ»

В книге воспоминаний И. М. Майского, одного из крупнейших наших дипломатов, с предельной правдивостью и документальной точностью воспроизведена история воспитания русского юноши 90-х годов прошлого столетия. «Основной мотив для написания этих воспоминаний», — говорит автор, — «показателен как люди в реакционной царской России через тысячи притеснений приходили к революции».

В самом деле, всё свежее, честное, молодое тянулось тогда к свету и протестовало против неумолимого гнета царизма. Но пути, которыми молодежь приходила к революции, были различны.

Семейная обстановка у автора была благоприятной. Провинция была, но культурная семья. Мать, бывшая сельская учительница, в своё время входила в народ. Отец, военный врач из крестьян, влюблённый в науку, передал эту любовь и сыну. В семье читали Некрасова, Щедрина, Шекспира, интересуются делом Дрейфуса, разбирают «Крейсеров» Салгура. Мальчик знает Пастернака и Фламмариона, переводит Гёте и Гейне.

Пытливый мальчик рано находит пути к общению с народом. Жизнь помогает ему в этом. В десять лет он сопровождает с отцом

партию юннаторов из Омска, где он провёл большую часть детства. В Вердуне (ныне Альп-Аты). Сколько памятных эпизодов связано с этим путешествием! Встреча с тиграми у озера Вахлак; перевертыш на промаре через могучую реку; бурдюк, подобие тем, что дохлякони Ревина; величественный Тянь-Шань. Семье тысячелетний мальчик идёт пешком, идёт не как турист, а как солдат маршем: он сопровождает молодых солдат.

Мальчик привязывается к своим спутникам, имеет возможность оценить скромность, выдержку, высокий дух и доброту их. Знакомится с народным искусством — песнями, плясками, сказками. Да же «Царя Максимилиана» — солдатскую пьесу, которую мы изучали как образец фольклора, — передачу разыгрывают военные артисты.

● Но сколько поводов для возмущения! Бессмысленная муштровка солдат, превращение в них юннаторов на начальков, глум и невежественных, жестоких побоев и выматывание. Не гололов, а сердце, не из книг, а из жизни знает мальчик свой народ и отечество. И он становится его гражданином. Ещё больше обогатило юношу следование путешествием, когда они едут двенадцатилетним, в 1895 году сопровождают отца на Тимани до Томска арестантские баржи.

Опыт те же контрасты: величественная природа, бедное северное небо над гигантской скалой, а на пляже толпа заскучавших «заблудших людей». На пристанях очередь к отцу за медицинский помощью; место, которого заврал медведь; удивления в родах жён женщин. И везде по берегам тысячи беспомощных, тёмных, заброшенных людей. На берег мальчик впервые знакомится с политическими. Рассказом старого сослуживца о татарах крестьянской жизни запомнились ему на всю жизнь, а пропитания в этой обстановке неурочными «Железные дороги» оформила и закрепила в нём и тягу к народу и желание помочь ему.

Семья, природа и народ дали мальчику очень много. Ныкак нельзя сказать этого о гимназии. Характеристики, которые автор даёт «гимназическому Олимпу», беспощадны. Это люди в футлярах, подлыми, дурные из их плоти, и соединяют инерцию бессмысленной зубрёжки заставляли возненавидеть античный мир. История: рассказывали самые анекдоты. Славянчик выдал тайну исповеди и соединяет инерцию нескольких мальшей. Всё направлено к тому, чтобы думать меньше, игнорировать волю.

Но зато здесь, в гимназии, застраивается протестующая мысль, испытывается умственная смелость. По примеру пиаревской «Нашей университетской» инкукуатор пишет статью. На этом этапе не раз переживает мальчик. Добролюбо, Щедрий, Байрон смеются друг друга. Его интересует всё: проблемы нравственности, происхождение вселенной. Это период поисков «огней жизни», попытка осмыслить своё существование. Поиски эти уже не в одиночестве, а в гимназическом кружке. Возникновение таких кружков Ленин называл явлением естество-

веинным и отрядным в борьбе с самостоятельным мышлением, а милитаристическое протестующее и революционное мышление.

Гимназисты в школьных сочинениях язвительно высмеивают Екатерину II за перемену восточного курса, за введение высших учебных заведений. Выпускают даже прокламацию, грозящую страшной расправой «собакам, пишущим революцию». В это время автор уже беременна революцией. В больших городах прокатил стачки, свертнулись авторы в столичные читател «Кипаты» и «Фантазия капитализма». Но в Омске этих книг нет, нет и людей, знакомых с ними. Юноша натывается случайно на Шпильгина; он уменнее Лео, зато обладает исключительной карьерой на Лассала. Книга, впрочем, знакомит юношу с существованием партии, с рабочим движением.

В конце книги воспоминаний «Перед бурей» мы остаёмся автор в порог Петербургского университета, полного тайфолой решимости примкнуть к рабочему движению.

Центральная книга И. М. Майского заключается не только в том, что она принадлежит по своим литературным качествам к лучшим образцам мемуарной литературы и даёт яркое и подробное, действительно описание сложной личности, ищущей и осознанной себя в сложной политической обстановке — человек, который, тем, что в своих воспоминаниях автор широко изобразил историческую эпоху 90-х годов прошлого века — эпоху рабочего движения в России, до сих пор недостаточно освещённую в исторической литературе. Значение этой книги для молодых читателей заключается в том, что она даёт возможность в поисках, неутомимости в борьбе, умнее всю жизнь подчинить высоким требованиям этой борьбы.

И. М. Майский «Перед бурей» Гослитиздат, 1944.

ЧИТАЮ О ВЫЛОМ...
«ЗВУКИ»

«Что за звуки! неподобия! Сладким звукам я внемлю. Забыла честность, небо, землю. Самого себя...»
Привыкает образ эти звуки, Обрамь милый мне; Мышлет, слышу тихий плеск раздувки,
И душа в огле...»

Единственный комментарий к этому волюнтаристическому стихотворению М. Ю. Лермонтова коротко так: написано впервые в Сараевском эмигранте за 1875 год. Вот а. в. е.

Но мы знаем лермонтовские «Звуки» имеют, оказывается, свою «музыкальную» историю.

В зимний сезон 1890 года любитель устремился к незнакомому одиночному дому на окраине города, что против Судисской пожарной части. В тесной квартире Мисаила Тимофеевича Высотского

звонками и цинковыми талантами был обеспечен радужный приём. Бывший артистический человек Михаил Матвеевич Хераскова, Высотский был высоким малостью зрелого человека поэта. Уже с детства маленькая гитарист проявлял изумительные всех способности, а через короткое время стал непревзойдённым виртуозом семиструнной гитары.

Неподобающим игрой Высотского заслушивалась вся Москва. Кто ещё умел так проинкукуировать на своей гитаре русские народные песни («Как, за реченькой» или «Не ошла во поле дороженька»? Кто лучше его мог чары импровизировать вариации на темы этих песен, то протяжные и задумчивые, то весёлые и плясовые!)

Высотский редко давал открытия концерты, хотя многократными поклонниками оказывались встречались каждое его выступление и не раз дарили его лавровыми венка-

ми, а поэты слагали в честь русского виртуоза стихи:

«... .. игралом тогда
Ещё Высотский... Гле вы, дни
... .. былые,
И где опи, те звуки оглевет?»

● Сам Пушкин, увлекавшийся хором певчим, которым управлял артистический уеник Высотского Илья Соколов, почитал прославленного гитариста-симпатом своим нимфом.

Именно в тесном кругу таких артистических его таланта охотнее всего и любил играть Михаил Тимофеевич. Нередко на окраину Москвы, к Судисской части, отправлялся поэт и отменный знаток — собиратель русских песен — Михаил Стахович; здесь бывал в своё время и автор «предерзательной» поэмы «Сашка», тогда ещё студент, Александр Полежаев; сюда являлся и популярный виртуоз-песенник, уеник знаменитого Ласки Филы Александр Дюбуа. Многие из заслуживших этих восторгов спутей тогдашних гоморий, вольных, модные:

«... Подслушав бы вы Высотского
Иль Моисея, тогда бы вы
имели понятие об артистах, трогающих душу и сердце!».

Однако — что случилось всё в том же, 1890 году — среди гостей Высотского появилась невысокий коренастый юноша, облебячий в студенческой куртке.

Высотский был в ударе. Как-то особенно провинциально звучали на гитаре в тот вечер любимые русские песни. Потом, как всегда, Михаил Тимофеевич, восторженный, спросил: «Ты бы изобрёл, да свои «Звуки». То были изобретены, исполненные тонкой вольнолюбивости, блеска и огня, что не редкость впечатления от них — естественному гоморию олеванью — чинкамими нотами и словами.

Но юноша-студент, стоявший поодаль и весь вечер, не отрываясь, внимавший за гитарой, решил запечатлеть в словах неподражаемому его игре. На доску бегучу возникла стихотворение «Звуки». Под ним стоял лермонтовский — Михаил Лермонтов. Поэт тут же вручал свои стихи трагическому музыканту.

Высотский был в ударе, по воспоминанию современников, происхождение этих лермонтовских стихов. Таков был поэтический талант олеванью гитары, который встретил с русскими самородными талантами.

Е. Камн

А. СТЕПАНОВ



П. С. Степанов.

ИСТОРИЯ МОЕГО ПРАДЕДА, ГОРОДНИЧЕГО КЕНИГСБЕРГА

П прадед мой Семён Степанович Степанов был крепостным крестьянином князя Биддольсбург-Белозерских. Суворовский солдат, он на войне потерял ногу и как инвалид вернулся в родное село, в Тверскую губернию. Когда подростки его сестры и одного из них, Петра, захватили и рекруты, старый вошка реина, что сын его должен служить только под началом браташки Александра Васильевича. Сталось, так, что великий полководец в это время жил неподалёку в своём селе Кочановском, Новгородской губернии. Старик с сыном собрались в дорогу, добрались до Кочановского, бросили Суворову в ноги и «блудя челою» о службе под его командой.

Генералессимус помнил в лицо всех старых ветеранов, узнал он и Семёна Степановича, припомнил его ратные подвиги под Рыльском, Фокшанами и Измаилом и пообещал записать Петра Степановича в свою армию, которая тогда шла через Австрию, направлялась в Ломбардию, чтобы изгнать отсюда французские полки. Так будущий генерал-майор и кавалер попал в число суворовских чудо-богатырей.

Он проледал весь Итальянский поход, побывал в боях при Требии и Тидоне, затем участвовал в Швейцарском походе, перешёл через Сенотардский перевал, был уже ранен, и, по тогдашнему обычаю, его оставили на попечение местных жителей — переезд до выдворения. Полтора года Пётр Семёнович прожил в Верхнем Тироле, отправлялся от рат.

За это время он научился хорошо говорить по-немецки, выучился немецкой грамоте. Работный, смекалстый русский солдат задался общим изучением тюркологии, к нему уже стали засылать невест, угонявша навсегда оесть

среди тироляских гор, но тоска по родине превозмогла все соблазны. И молодой русский солдат отправился пешком из долины Швабшарна в родную Тверскую губернию.

После побныки дома Петра Степановича вновь взяли в армию, так как служба тогда была покаянивая. В 1805 году он уже в звании фельдшера участвовал со своей батареей в бою под Аустерлицем. Под Превисш-Эйлау в 1807 году был ранен пулей в грудь, но остался в строю до конца сражения. Хорошо грамотный, прекрасно знавший немецкий язык, боевой суворовский солдат, он был уже достаточно образован для офицерского чина и за бой под Превисш-Эйлау его провозвели в офицеры.

Спустя два года Пётр Семёнович участвовал в Северной войне за присоединение Финляндии. Он сначала находился в Саволоксе в отряде генерала Раевского, лично зная будущего знаменитого партизана Дениса Давыдова. С войсками перешёл в эту область через Кавржи и побывал в Швецию. Вернулся с этой войны он уже штаб-капитаном и кавалером нескольких орденов.

Став офицером, он начал вести дневник войны, причём писал его на немецком языке, так как немецкую грамоту знал в это время ещё лучше русской. О Финляндском походе он говорил, как о самом трудном походе — Швабшарского, Дремучие леса, болота, враждебное население, плохой климат делали войну на русском театре очень тяжёлой.

Война 1812—1814 годов принесла ему дальнейшие успехи по службе. Проведя проледал весь поход от Виады до Москвы, а затем от Москвы до Парижа. За мужество и храбрость в Бородинском бою он был награждён офицерским Георгиевским крестом, и кия его впоследствии было занесено на

мраморную доску в Храме Христа Спасителя. В боях под Красным и Дорогобужем он получил два ранения, но, перемогая, остался в строю.

В январе 1813 года русская армия вторглась в пределы Восточной Пруссии. Немецкий корпус Юрия Перлова на сторону русских и стал воевать против Наполеона. Немцам оказали содействия русские, но союзники, которые часто были хуже противника. Обмёрзшие, голодные, обессиленные в походе русские войска не могли найти у прусских бюргеров на крова, ав продовольствия. Высокомерное, презрительное отношение к русским было характерно для всех пруссаков, несмотря на то что именно русские войска разбили наголову великую армию Наполеона, перед которым угодливо пресмыкались немцы по главе со своим королём.

Когда русские войска заняли столицу Восточной Пруссии Кенигсберг, в нём было установлено русское военное управление и городничим назначили майора Петра Семёновича Степанова. Выбр пал на него, потому что он прекрасно знал немецкий язык, бывал в Восточной Пруссии в 1807 году был знаком с нравами и обычаями прусской столицы. В его послужном списке значилось, что «майор Пётр Семёнович Степанов за боевыми, от рат и конузгий проиходящими» назначается городничим Кенигсберга.

В воспоминаниях об этом времени прадед приводит много примеров двуличности и веролюбия немецкого населения.

Внешне угловатые немецкие бюргеры на улицах отшвыляли русскому городничему поносные поклоны, а в спину грозили кулаками. Бюргеры также прислали перед молодой женой городничего Дарьи Тихоновны, скромной русской женщиной, которая прислала к мужу в Кенигсберг, и прислачили и смеялись ей вследа. Даже продукты русскому городничему доставляли тёмные, порченные. Много неприятностей пришлось пережить Петру Семёновичу с женой в Кенигсберге, и он так резимировал свои впечатления:

— Хотя мы и воюем с французами, но они к нам относятся гораздо лучше, чем немцы, которые, угодливо кланяясь на улицах, всегда готовы в-за угла убить русского человека, крепца и мужика.

Вообще понятно, что а ответ на

дверсионные акты, «разбойные нападения и грабежи» русские власти отвечали репрессиями.

Решительные мероприятия прадеда вызвали негодование немцев, и они добились отозвания его из Кенигсберга. Всё же при отъезде прадеда бюргеры устроили в его честь банкет, на котором Пётр Семёнович и Дарья Тихоновна были, к чести! тоже прикончены, спаясь с отран.

По настоянию русского командования немцы занесли имя П. С. Степанова наравне с прочими бургомистрами Кенигсберга на мраморную доску славным залом Кенигсбергской ратуши.

Пётр Семёнович продолжал свой боевой труд. Он участвовал в битве народов под Лейпшгом, был ещё раз ранен в бою под Фер-Шампенуазой и дошёл со своей батареей до Парижа. В 1815 году Пётр Семёнович вместе с женой вернулся в Россию. Выходя из крестьянской среды, он горячо сочувствовал заборолным идеям бундежников. К 1825 году в чине полковника он командовал артиллерийской частью, расположенной в Вессербине и в Украине. Хотя сам прадед не был привлечён непосредственно по делу о декабристах, но всё же кое-что из офицерской части оказался арестованным, а Пётр Семёнович саз неостаточный надзор за подчинёнными был уволен со службы без мундира в пенсии.

Не имея средств, обременённый большой семьёй, он попал в оочень тяжёлые материальные условия. Помогли намываша Персидака, а затем Турецкая война: он вернулся в армию. Польская война 1830 года принесла ему чин генерала кавалера, однако царское правительство не доверяло его политическую лояльность.

Умер Пётр Семёнович в 1855 году 87 лет от роду и похоронен в склепе под главным собором Ново-Девичьего монастыря в Ленинграде. На могиле его лежит чугунная плита, на которой перечислены все походы, в которых он участвовал.

Так прожил свой жизненный путь русский крестьянин, суворовский солдат Пётр Семёнович Степанов, один из миллионов незнатных русских людей, мужеством и патриотизмом которых рождается широкое, крепкое и мужское наше родная страна.

ВОКРУГ СВЕТА

♦ **Самое жаркое место в мире** — Долина смерти в Калифорнии. В июле средняя температура воздуха в тени достигает +39°, а ночью — +17°. Число солнечных дней в году здесь доходит до 351. Долина смерти лежит в 4 тысячах километров от экватора, то есть в умеренном поясе.

♦ **Что находится под ногами у москвичей?** Геологи утверждают, что в дальние времена центральный район европейской части нашей страны не был связан с морем. Уходя, она оставила оседан — известняки, песчаники, глины. Выяснено, что под Москвой этой слой осадочных пород имеет толщину в 1652 метра. Затем накладываются граниты — это наиболее древние, «первозданные» породы: они выкристаллизовались ещё тогда, когда наша планета переходила из жидкого, расплавленного состояния в твёрдое.

♦ **Во время полноводия мы видим освещённую сторону Луны.** Эта сторона имеет площадь, равную 21,5 миллиона квадратных километров, то есть почти такую же, как территория Советского Союза.

Человек бесследно исчез из дома. Сошед его звали: «Ушла и не вернулась...»

В квартире не обнаружено ничего подозрительного, и сомнение вызвала только съезженная «черная лестница». В темноте её осветрили при свете ультрафиолетовой лампы. Трудно, правда, назвать светом голубоватую полумрак, окружающую такую лампу, но всюду, куда падает почти невидимый луч, разными оттенками загораются вещества, обладающие способностью светиться в ультрафиолетовых лучах.

По бледное пятно распыляется по ступенькам, вспыхивая то ярче, то слабее и словно переливаясь с одной ступеньки на другую. Следовать хорошо знает, что так светится человеческая кровь, даже если она тщательно смyta с дерева, а которое успела испачкаться. Происхождение этого пятна было известно и соседу исчезнувшего. И выражение его лица, лежащего ужом, говорит больше, чем любое словесное признание своей вины.

На фабрике лекарств возросла досада и дефицитный препарат — инсулин. Множество исследований делалось в лабораториях, на складах. Одни говорили, что виноваты составные части лекарства, попадающие на фабрику с какими-то заводскими примесями, другие утверждали, что порочен самый первый процесс производства. Наконец, решили прибегнуть к помощи лучей-разведчиков, — выпускаемых ультрафиолетовыми лампами. На всем тупе инсулина расставили эти лампы, и скоро обнаружили, что лекарство, уже разлитое в пузырьки, через некоторое время словно подменяется другим: цвет его свечения совершенно изменяется, хотя внешне инсулин остается таким же. Тогда быстро нашли и «преступника», портящего драгоценное вещество — плохую пробку, капающую всем оборудованием абсолютно герметической.

Лучи-разведчики оказали большую помощь нашим геологам, изучавшим в Саратове и Татарии месторождения битумов и нефти. Мелкие провалы, эти вещества опытный глаз мгновенно определяет по их характерному свечению. Трудно представить себе, сколько разных оттенков загораются в ультрафиолетовых лучах нефть на разных участках мира, при обыкновенном свете кажущаяся одинаковой маслянисто-черной жидкостью. Минеральные масла также выделяют лучам-разведчикам оттенок своего происхождения. Масла из некоторых мест Кавказа отзываются на присовоенное луча вспыхивая коричневого оттенка. Голубым светится масла из Техаса, Калифорнии и Румынии. У отработанных, «мертвого» масла свечение постепенно гаснет, и есть остроумные способы автоматического контроля за качеством смеси при помощи ультрафиолетовых лучей



В далеких горах Туркмении, на Урале и Кавказе георазведчики выявляли сокровища земных вод на призыв ультрафиолетовых лучей. Лучи волшебной лампы словно признаются к минералам цветные этикетки, по которым можно не только различать их друг от друга. Они позволяют обнаруживать алюминий, даже если его содержание не превышает двенадцатимиллионной доли грамма.

Лучи-разведчики обладают замечательным свойством — мгновенно устанавливают концентрацию некоторых веществ. В огромную колбу, наполненную прозрачной жидкостью, каплями падает адреналин. Вдруг вся колба испускает слабый свет, словно внутри её зажег маленькую свечу лампочку: лаборант, смотря на это свечение, совершенно точно знает концентрацию адреналина, которую с такой же безошибочностью нельзя определить никаким другим способом.

Ультрафиолетовые лучи сделали незаменимыми контроллерами содержания различных витаминов

в пищевых продуктах, а лекарственных препаратов. Они сразу улавливают малейшие примеси ядов, которые иногда попадают в полиграфистов.

Вот, вооружая ультрафиолетовой лампой, исследователь приходит в склад пищевых продуктов. В её лучах свежее молоко, влившее в пробирку, кажется желтой палочкой. Чем дольше хранится молоко, тем голубее становится оно, и всё более заметным делается излучаемый фиолетовый оттенок. Сир, осмеливший ультрафиолетовой лампой, может быть желтым, красноватым, тёмножелтым и совсем тёмным. И что бы ни говорилось про эти сир, характер свечения мгновенно определяет и возраст продуктов и их качество.

Никакие ухищрения не могут заставить нечистую пшеничную муку светиться свойственным безуглекислотной муке голубовато-белым светом. Мука из осы в ультрафиолетовом свете делается серо-голубой. Тавы склада, в котором продукты хранятся в плохих усло-

виях или подвергаются фальсификации, так быстро раскрываются, словно каждый продукт получает способность рассказать всю свою историю.

Лучи-разведчики участвуют не только в исследованиях, имеющих отношение к биологии и химии: они нередко определяют и механические качества различных сооружений. Воловоэрионическое одной ответственной детали гидротехнической установки вызвало сомнения. Однако обычными способами нельзя было получить правильный ответ. Тогда в воду с одной стороны перегородки добавили вещество, светящееся в ультрафиолетовых лучах, а с другой стороны на бетонную поверхность направили лучи ультрафиолетовой лампы. И когда в темноте на стене появились тончайшие светящиеся сетки как будто отпечатаные ненаданным паукон, ни у кого не осталось сомнений в ненадёжности толстой стены, сделанной из многих тонн бетона и железа.

Современные методы изготовления искусственного шёлка достигли такого высокого совершенства, что лучшие специалисты не отличают выделенный продукт от натурального шёлка. Но в ультрафиолетовом свете натурального шёлка независимо от своей дневной окраски всегда голубой. А выделенный шёлк превращается в жёлтый, интрижёр выглядит тёмнокрасным, а медно-аммиачный — белым.

Эта способность ультрафиолетовых лучей сразу отличать настоящие от ненастоящих сделала их очень ценными в лабораториях, устанавливающих подлинность документов, произведений искусства. Пейзаж старого мастера, изображённый на картине, светится совсем не так, как слои, возраст которых только на несколько столетий. Огонь отблески свечения у красок, применяемых в разных странах, а разные же.

Исследования в лучах ультрафиолетового света нашли название люминесцентного анализа, в котором этот анализ используют люминесценцию — способность

многих тел светиться в особых условиях характерным светом. В нашей стране люминесцентный анализ достиг значительного совершенства и считается замечательным орудием в руках исследователей. Он требует от специалистов высокой культуры научной работы. Нередко нужны подлинное искусство и особый дар разведчика, чтобы сделать правильный вывод, не заблудившись в бесчисленных оттенках свечения, не провозвещав обмануть себя интуицией, присвоив себе вещество неизвестного происхождения, светящегося так же, как размыканный элемент... Но во многих случаях этот интереснейший метод исследования оказывается чрезвычайно полезным даже в руках любителей, помогаю, например, быстрейшему освоению скрытых сокровищ земли.

Юный колхозник.

Фотограф Г. Петрушина

И. РАХТАНОВ

Две дистанции

... Шум колёс, катившихся к определенной цели, наконец, убоялся его.

Кажется, никогда прежде, даже на фронте, не волновался он так, как в эти последние дни перед отъездом в Горький. Даже музыка не отягала. Часто он раскрывал альбом, садился, брал несколько аккордов и тотчас же заглавным криком — не игралось.

Тренером Сергей Комаров тоже не мог. И всё потому, что держал сейчас экзамен на трудность — прошлые годы его достижения меркли перед ответственностью предстоявших испытаний. Кочевья, юность, и одновременно с ним старт в Горьком возмуть уже не юноша, как бывало, а Пугачевский, Максимов и Зими. Частно говоря, ему хвально было и одного Зими... А здесь был не только Зими — куда там! Тут и Максимов и, что уж решительно опасней всего, сам Пугач. Да, да Пугачевский, блондин, протиснувшись навстречу, подобный пуле, выпущенной опытным снайпером, Пугачевский, бег которого — всегда прямая, оттого что бег этот есть самое кратчайшее по времени расстояние.

И лишь когда поезда в положенное время отошёл от перрона и колёса начали свой однообразный напев, Комаров внезапно перестал волноваться. Он подумал, что, в сущности, может прийти к финишу и не первым, ничего от этого не произойдет. Люди понимают скажут тогда: был в Москве спонсорский юноша, завоевал перед войной рекорды по всем дистанциям, но, очевидно, ещё не достаточно развился, чтобы противостать сильнейшим бегунам страны, — и только. Но он тотчас же отвел эту мысль. Бить себя и глумиться. И ещё надо забыть обо всех движениях Пугачевского — обязательно забыть. Ведь и он не сразу стал замечательным, а долго учился и тренировался. Ещё юношей он словно оочарованно наблюдал за тем, как бежит Лядумев.

Да, французский чемпион, приезжавший в Москву до войны. Комаров исполнился тогда тринадцать лет. Он выступал по группе мальчиков и отчётливо запомнил этот день на стадионе «Динамо». Было солнце, Лядумев вышел в белой майковой майке, лёгкий и стремительный, он не вступил за всю дистанцию... Против него выступил лучший наш бегун того времени — Деинсов.

Семидесятилетний Александр Пугачевский, ещё никому неизвестный, случайно приехавший в Воронеж, во все глаза смотрел на соревнования. Впервые он видел,

чтобы бежал так широко и свободно. Француз словно парил над дорожкой. Это и была единственная их встреча: молодой Пугачевский в дебютная на дорожке. С тех пор Пугачевский стал по-драпать французку и вот достиг.

Да, именно тогда, он в первый раз увидел тот большой, махавый шаг, которым пыл по дистанции Лядумев и каким наши бегуны ещё не владели ни в Москве, ни, подвояно, в Воронеже. Без тренера, без теории восстановили он по памяти в бесконечных упражнениях и старт французку, и его прохождение дистанции, и выход на последнюю прямую, и финиш, где ленточка легла на грунт победителя.

Пугачевский не одинок расквашивал об этом Комарову. В молодом бегуле, возвращавшемся с фронта, угала о будущем чемпионе Комаров перед войной окончил курс Института физкультуры, был образован, с детства играл на рояле, занимался английским языком, а главное — любил и умел тренироваться. Это Пугачевский ценил больше всего. Он говорил:

— Летние рекорды решаются зимой. Для бегуна всё в зимней тренировке, не надо здесь падать себя.

Обычно Пугачевский тренируется один и никого не допускает на дорожку, когда бегают. Но для нового бегуна он сделал исключение. И хотя у Комарова был достоянием с юношеских лет тренер — Виктор Николаевич Трейвер, — Пугачевский частенько, по-приятельски, наставлял его.

А сейчас в Горьком, впервые как конкуренты, они должны были выйти на дорожку бобы...

Поезд в Горький идёт ночью, и покажут, у Комарова это была самая спокойная ночь за много времени. Пела колёса, он спал без сна.

2

Дело было в сентябре, дал ветер с Волги, на деревьях золотился лист, и трава на стадионе уже пожелала.

Бег пошёл Пугачевский.

Комаров взглянул на него и невольно залюбовался. Вот он, шаг, высокий и сплюснутый С трибуны он представлялся неразумно чуждым, теперь, близко, оказалось — весь он состоит из мелких, но спаянных толчков, стремительно несущих тело бегуна вперед. Комаров знал, что губит себя — нельзя любоваться противником. Но как



Сергей Комаров на дистанции.

отойти от картины, одновременно и восторженной и прерывистой.

Комаров пыл в теме, предельно жёстко Пугачевским. Его волн как бы не существовало. На дорожке росло стремление Пугачевского, управившее всеми участниками забега. Оно диктовало им скорость, нужную ему. С расточительностью богача он принимал на себя рыцарь вольского ветра, он не боялся стихии. И люди на трибунах, уже знавшие его, кричали:

— Пугач! Пугачевский! Комаров слышал это. Он видел, что Пугачевский не бежал, а нёсся над дорожкой, широко расставляя ноги-рыцаря. Казалось, ещё каких-то доз усилия — и бегуны, оторвавшись от земли, улетят в аэры... Но этого не случилось. Пугачевский безошибочно следовал маршруту.

Восьмисот метров — дистанция, равная в которой ему и нас нет. Неоднократно — и на тренировках и на соревнованиях — проводил он её. И всегда ленточка ложилась на его грудь. И всегда конкуренты были те же самые: Максимов и Зими. Где они сейчас? Где-то далеко по полям, а рядом, на плечах — кто? Комаров!

Пугачевский слышит его ровное дыхание, никак оно ещё не обито. «Ели так — прибавь юную. Серёжковский!»

«Что ж прибави, Пугач, прибави!» Комаров делает резкий рычок — и метров на десять — пят-

надать отравляется от Пугачевского. Сейчас вольский ветер стегает его по лицу, и Сергей непременно оборачивается поглядеть, как Пугач чувствует себя впереди? В эти доли секунды он думает: «А как будет, если я не выдержу темпа и сбьюсь?»

Готово. Сбился, уже сбился. Никола Пугачевский не уступит. Метров за сто до финиша Пугачевский достаёт и обгоняет Комаров.

Тогда молодой завод закинул в Комаров. Простел между ними сокращается — осталось два метра, метр, финиш!

— Ленточка волочится за умедляющим шаг Пугачевским. На две десятых секунды отстал от него Комаров. Это была борьба, не что сто случившаяся на дорожке.

3

— Чем победил тебя Пугач, Серёжковский? — спросил Виктор Николаевич Вьюков. И сам ответил: — Тактикой, дорогой мой, тактикой. Опытнее он тебя. Мгновенно заметил, что ты оборвался, поймав твою ошибку — как-то. Но сегодня тебя ждёт испытание, которое ты должен выдержать и выиграть: четырёхста метров.

Стартер, как всегда, выстрелил холостым зарядом, и забег начался.

Снова встретились прежние участники: Максимов, Зими, Пугачевский и Комаров.

Опыт бег пошёл Пугачевский.

Четыреста метров — дистанция передовая: темп здесь достигнет скорости стометровки, и в то же время не малейший расщербленный бегом полосу отрезок приобретают сооружения — перед ними зрители, круг стадиона. Тут хватят места полуметр, поглядят, как противник взял старт, как вышел на дистанцию, как идёт на последней прямой. Нет нужды только смотреть, как он финиширует. Этого никогда не надо видеть. Комаров слишком часто любовался этим зрелищем. Сегодня он сделает всё, чтобы его не наблюдал...

Вот снова Пугачевского, хорошо развитый, мощная лопатка, как натурал, согнут туловище, шаг и назад. И ещё в этом чередовании однообразный ритм, как шум колёс, катившихся к определённой цели. Надо не поддаться ему, не дать себя убавлять. Во что бы то ни стало нужно вырваться, быть и жет, услышать дружественный голос с трибуны: — Комаров!

Да, Комаров! Это он решительный противник Пугачевского. Теперь это уже зловещий Комаров впереди. Гляните — вот последние метры, вот оно, кратчайшее расстояние к финишу...

Ошибки не произошло. Ленточку снял Комаров.

Вышло это в сентябре, на стадионе в Горьком, золотился лист на деревьях, ветер дул с Волги, разрылся лесом первенство Союз.

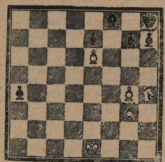
И первый жетон чемпиона СССР лёг на широкий диван костюма Сергея Комарова. На этой груди ещё, много свободного места, но оно, как магнит...

ШАХМАТЫ

Под редакцией гросмейстера Василия Самойлова

КТО ВЫИГРАЕТ?

Задача-шутка



Эта любопытная позиция взята из одной партии, игравшей в гандикап-турнире. Обычно турниры составляются из участников, примерно одинаковых по силе. В гандикап-турнире может принять участие шахматист любой квалификации. Непременным условием такого состязания является, однако, фор, которую более сильный шахматист даёт слабейшему.

В данном случае против мастера, игравшего белыми, выступил любитель, не искусный во всех тонкостях игры. Мастер дал фору, начав партию без ферзевой ладьи. На доске завязалась острая борьба. Слон чёрных так и не смог войти в игру, король белых также оставался на месте. Партия перешла в эндшпиль и вскоре достигла позиции, изображённой на диаграмме. Любитель с удовлетворением оглядываясь солавшееся положение. Он, правда, не сумел сохранить лишнюю ладью, но зато обилье все атаки своего опасного противника. Игравший белыми серьёзно задумался...

Среди окружающих столики, за которыми происходила эта встреча, завязался спор: кто выиграет? Попробуйте, читатель, разрешить их спор.

НАХОДИЧЕСТВО В ЗАЩИТЕ

На диаграмме изображено положение, встретившееся в партии Лиленталь (белые) — Философов (чёрные), игравшей на турнире в городе Кубышевце в 1942 году. Эта позиция сложилась после 22-го хода белых. У чёрных лишняя пешка, но в их позиции есть серьёзный недостаток — ладья чёрных раздвинута. Это помогает белым решить опасную инициативу. Интересно проследить ход борьбы, в которой молодой партнёр гросмейстера проявляет исключительную находчивость в защите.

Философов



Лиленталь

- | | |
|------------|----------|
| 1. Кc5—e4! | h7—h6 |
| 2. ... | Kc5 : d4 |
| 3. Le4:d4 | Ld8 : d4 |
| 4. Ke4-d6! | Fc7-c7! |
| 5. g2-g3! | g7—e5! |
| 6. Ff4—e3! | Fc7—b6 |



Составил О. Золотухин.

- Значение слов: 1. Боевой успех. 2. Войско. 3. Старинный оружейный свисток. 4. Отражение нападения. 5. Обследование местности. 6. Фрукт. 7. Почётная известность. 8. Электрод. 9. Нота. 10. Вооружённая группа. 11. Радиопомпа. 12. Оборонительное сооружение. 13. Металлический завиток. 14. Отделение чести настрелами. 15. Город в РСФСР. 16. Ступица артillerийского орудия. 17. Минерал. 18. Сигнальный знаменщик. 19. Архитектурная деталь. 20. Помещение. 21. Пастбище. 22. Аллюр.

БРОНШТЕЙНУ

Дружеский шажок Г. Валька

Кажется, что худшее осталось позади, но следующий ход белых принесёт чёрным новые испытания. Л4: e6! 7. Фc3—f3! Л4: f6! 8. Ф3—f6

Возможно было и простое 8. e5: e6, получая сильную проходную пешку. После 8. e5: e6 Фb6: d6 9. Фf3—f6 чёрные проигрывают. Правильным основным вариантом 8. e5: e6 Кf8—g7! 9. Фf3—e3 + Крг7—h7 (плохо 9. ... f7—f6 10. Фe3—d3 Лf8—f8 11. Лc1—c7 + Лf8—f7 12. d6—d7 Фf6: e7 13. d7—d8 ф) 10. Фc3—f6 Лf8—f8 11. d6—d7 Фf6—d8 12. Лc1—e8 Фd8: f6 13. Лe8: f6 Фf6—e6. Белые проводят пешку в ферзи. Но чёрные, полагаясь, достигают ничьей вечным шахом.

8. ... Лd6—d8? Досадный промах! Правильный ход 8. ... Лd6—e6 сохранял равновесие. После 8. ... Лd6—e6 9. Фf6: e6 Кf8—e7 10. Лc1—d1 Фe6—c7 11. Фh8—f6+ Крг7—e8 — белые не успевают забрать пешку «h» из-за незащищённости своей центральной пешки.

После сделанного Философовым хода Лиленталь решает напряжённую шахвку а свою пользу. 9. Фf6: h6+ Кf8—e7 а7—a5 Крг7—e8 a5—a4 a4—a3 a3—a2 Крг8—d7 Лf8—f8 Лf8: h8 Крг7—d8 Крг8—d7 Чёрные сдались.



«Он слишком мал!» — о нём сказали Соперники в полуфинале. Но, не страшась ничьих угроз, Соперников он перерос.

А. ИЛЮЩИЙ

ИЗ ШАХМАТНОЙ СТАРИНЫ

В 1911 году в Сан-Себастьяне состоялся большой международный турнир. К участию в нём допускались лишь выдающиеся гросмейстеры и мастера, добившиеся крупных успехов. Исключением было сделано для молодого кубинца Капабланки, ещё ни разу не участвовавшего в международных турнирах, но выигравшего матч у прославленного американского гросмейстера Маршалла.

Многие из участников сансебастьянского турнира возражали против приглашения Капабланки, и наиболее яростно — гросмейстер Бернштейн. Случай свёл их в первом же туре. Капабланка блестяще провёл всю партию, которая была отмечена специальным призом за красоту. И дальше играл отлично, Капабланка вышел победителем турнира. Через 10 лет Капабланка, выиграв матч у Ласкера, стал чемпионом мира.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Литературная консультация при редакции журнала «Смена» работает по вторникам и пятницам от 5 до 7 часов вечера в помещении редакции.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. Д 3-34-24.

Ответственный редактор — Борис ВОПТЕХОВ.

Неприятные рукописи не возвращаются.

А5604

Подписано и в печать 17.VI—45 г. Формат 21 X 110 см. 2 1/2 печ. л.

Заказ № 66.000.

Заказ № 66. Тираж — 30.000 экз. Изд. № 292.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.



*личной
подписью
удостоверяется...*



РИСУНКИ БОРИСА ПРОРОВОКА
«Арийские вояки» — так озаглавил серию своих рисунков художник Борис Пророков. Часть из них мы воспроизводим на этой странице.

Вот они — гансы, фрицы, карлы и прочие «завоеватели мира», взятые в плен Красной Армией на различных участках фронта, выловленные в водах Балтики.

Вглядитесь в эти мерзкие, преступные физиономии. Они не выдуманы — каждый из этих бандитов собственноручной подписью удостоверяет полное сходство с оригиналом...





**РОДИНА-МАТЬ
ЗОВЕТ!**



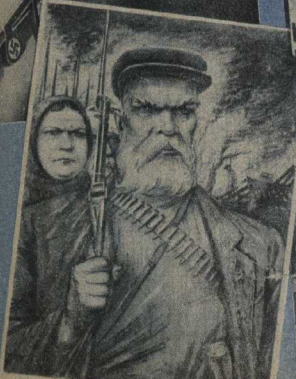
**ЧЕСТЬ И ХВАЛА СТАЛЬНОЙ ГВАРДИИ
СОВЕТСКОГО НАРОДА!**

НАША КЛЯТВА-МЕСТЬ НЕМЦУ!



**К ОРУЖИЮ, СЛАВЯНЕ!
ПРОТИВ ФАШИСТСКИХ УГНЕТАТЕЛЕЙ!**

УКРАИНА ЖДЕТ ТЕБЯ, БОЕЦ!



**ОТ НАРОДНОЙ МЕСТИ
НЕ УЙТИ ВРАГУ!**

ТЫ ВЕРНУЛ НАМ ЖИЗНЬ!

СССР ЖДЕТ ТЕБЯ...